

18 | MONTBLANC НАБИРАЕТ ВЫСОТУ

28 | ЖЕНЕВА СОБИРАЕТ ЧАСОВОЙ УРОЖАЙ НА SIHH

47 | У PANERAI НАСТУПАЕТ НОВАЯ ЭПОХА

48 | BVLGARI ЗОВЕТ ЖЕНЩИН ПРИСЛУШАТЬСЯ

50 | ULYSSE NARDIN ВЫСТУПАЕТ С ДЭМИЕНОМ ХЁРСТОМ

52 | ROYAL OAK ПРОЯВЛЯЕТ ЖЕЛЕЗНЫЙ ХАРАКТЕР

54 | PARMIGIANI ЗАВОДЯТ BUGATTI

37 | РИШАР ОРЛИНСКИ СДЕЛАЛ СКУЛЬПТУРУ ИЗ HUBLOT

5 МАРТА 2018

СТИЛЬ ЧАСЫ

Коммерсантъ

Тематическое приложение
к газете «Коммерсантъ» №4

ВЫБОР
ПРЕСЛИ

RAILMASTER
MASTER CHRONOMETER

Ω
OMEGA

Москва • Екатеринбург • Сочи
Официальный дистрибьютор ООО «Свотч Груп(РУС)»
Тел. (495) 5809845

РОМА «ОКТО» РЕКЛАМА

ОСТО
рома

BVLGARI.COM #ЖИЗНЬИДЕТНЕПОКРУГУ

BVLGARI

ROMA

БУТИК BVLGARI НА УЛ.КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, Д. 7
И В ГУМ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

* Элегантность как стиль жизни.

Elegance is an attitude*

Simon Baker
Саймон Бейкер

Бутики Longines

Москва

ТД «ГУМ» Красная площадь, д. 3, тел. +7 (495) 620 33 46

Ул. Петровка, д. 17, тел. +7 (495) 628 15 48

LONGINES®

The Longines Master Collection

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ГАЗЕТЕ «КОММЕРСАНТЪ»
«СТИЛЬ ЧАСЫ»
ВЛАДИМИР ЖЕЛОНКИН
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
АО «КОММЕРСАНТЪ»
СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВ
ШЕФ-РЕДАКТОР
АО «КОММЕРСАНТЪ»
АНАТОЛИЙ ГУСЕВ
АРТ-ДИРЕКТОР АО,
АРТ-ДИРЕКТОР ПРОЕКТА
ВЛАДИМИР ЛАВИЦКИЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ СЛУЖБЫ
«ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СИНДИКАТ»
АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
МИХАИЛ РЕШЕТЬКО
ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК
МАРИЯ МАЗАЛОВА
ТЕКСТ-РЕДАКТОР
НАТАЛЬЯ КОВТУН
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
ЕЛЕНА ВИЛКОВА
КОРРЕКТУРА
МАРИЯ ЛОБАНОВА
БИЛЬД-РЕДАКТОР
ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО
ФОТОРЕДАКТОР
КОНСТАНТИН ШЕХОВЦЕВ
ЕЛЕНА БОГОПОЛЬСКАЯ
ТАТЬЯНА ЕРЕМЕЕВА
ДМИТРИЙ ШНЫРЕВ
ВЕРСТКА
РЕКЛАМНАЯ СЛУЖБА:
ТЕЛ. (495) 797-6996, (495) 926-5262

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 121609,
Г. МОСКВА, РУБЛЕВСКОЕ Ш., Д. 28
ТЕЛ. (495) 797-6970, (495) 926-3301
УЧРЕДИТЕЛЬ:
АО «КОММЕРСАНТЪ»
АДРЕС: 127055, Г. МОСКВА,
ТИХВИНСКИЙ ПЕР., Д. 11, СТР. 2.
ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ
ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ,
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
(РОСКОМНАДЗОР).
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СМИ —
ПИН № ФС77-64419 ОТ 31.12.2015

ТИПОГРАФИЯ: PUNAMUSTA
АДРЕС: KOSTI AALTOSEN TIE 9,
00141 JOENSUU, ФИНЛЯНДИЯ
ТИРАЖ: 75 000
ЦЕНА СВОБОДНАЯ

НА ОБЛОЖКЕ:
ХУДОЖНИК РИШАР ОРЛИНСКИ
В ЧАСАХ HUBLOT CLASSIC FUSION
AEROFUSION CHRONOGRAPH
ORLINSKI. ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО
HUBLOT

16+

Алексей Тарханов

28__Салон высокого часового искусства, SIHH, в Женеве

55__Chopard перебирает счастливые бриллианты

__Happy Sport с механизмом Chopard

19__Panerai сошлись на Бонатти

__Panerai Luminor Due 3 Days Automatic 38 мм

Часы опять пошли

Часовой мир встретил на Женевском салоне высокого часового искусства, SIHH, новый 2018 год и подвел итоги 2017-го. Против всех апокалиптических ожиданий он оказался для швейцарских часовщиков куда более удачным, чем предыдущий. С начала прошлой весны ежемесячный прирост продаж стал составлять 2,8%, так что годовой экспорт приблизился к лучшим результатам швейцарского часпрома и составил 20 млрд швейцарских франков. Швейцарские часы, как известно, весьма точный прибор. А поскольку нет другой страны, где часовая промышленность была бы окружена таким вниманием и такими надеждами, этот прибор отчасти показывает, в каком состоянии часовые производство и спрос во всем мире. Остается надеяться, что Базельская часовая ярмарка, Baselworld, которая откроется совсем скоро, поддержит тенденцию.

На SIHH дебютировали новые директора марок. Некоторые из них были назначены сразу после прошлого салона — как глава Piaget Шабби Нури, руководитель Jaeger-LeCoultre Жак Лефевр и начальник Vacheron Constantin Луи Ферла. Процесс продолжался в течение всего года. Место Жоржа Керна (сначала ушедшего руководить всем часовым блоком группы Richemont, а потом оставившего и эту должность ради Breitling) во главе IWC занял молодой талантливый дизайнер Кристоф Грейнджер-Херр. А пост начальника всех часов Richemont по праву достался бывшему руководителю Montblanc и Jaeger-LeCoultre Жерому Ламберу. Управление маркой Ulysse Nardin взял на себя Патрик Прюньо. И наконец, в самом конце года было объявлено, что уходит в отставку последний представитель ричемонтовской «старой гвардии» легендарный Анджело Бонатти, создатель славы Panerai. Теперь итальянской маркой будет руководить Жан-Марк Понтруэ, побывавший

HUBLOT

«Биг Бэнг Юнико ДжиЭмТи» Реклама

Бутики Hublot

Москва: г-ца «Метрополь», Театральный проезд, 2; ЦУМ

Москва: Третьяковский проезд, 7; Кутузовский пр-т, 31
Барвиха Luxury Village; С.-Петербург: ДЛТ
Сочи: «Родина Гранд Отель и Спа»

тел. 8 800 700 0 800

ЭКСКЛЮЗИВНО В *Mercury*

www.mercury.ru

hublot.com • f • t • i

Big Bang Unico GMT.

Корпус из карбона. Автоматический механизм UNICO с функцией GMT. Сменный черно-синий каучуковый ремешок с уникальным креплением.

март 2018

46__Zenith на страже неба

__Zenith Pilot Tipo CP-2 Flyback

18__У Montblanc 1858 Pocket Watch все осложнения в кармане

50__Ulysse Nardin заводят FreakVision

54__Parmigiani Fleurier поставили на колеса Bugatti Type 390

12__Piaget выступили с Ultimate Concept

во главе часового направления Montblanc и часовой марки Roger Dubuis. Ну а Пьер Жак, знакомый нам в качестве генерального директора De Bethune, после двухгодового отсутствия вернулся в качестве не только директора, но и совладельца. Пока Baselworld теряет участников, SIHH их приобретает. Причем если раньше в Женеве выставлялись почти исключительно бренды Richemont, то теперь представлена и группа Kering, владелец Girard-Perregaux и Ulysse Nardin, а также акционер Richard Mille. Тем более любопытно то, что своей территорией на SIHH обзавелась знаменитая парижская марка Hermes. А среди участников Carre des Horlogers, «Площади часовщиков», этого клуба-заповедника молодых марок, появились давно исчезнувший из Базеля Жером де Витт с DeWitt и — отчасти — Франсуа-Поль Журн с F. P. Journe. Эти перемены еще не переросли в угрожающую тенденцию для Базельской ярмарки, часовых и ювелирных марок там столько, что отряд не заметит потери бойца, но превратились в тенденцию для более камерного Женевского салона, начинавшегося когда-то как «салон отверженных» и превратившегося в «салон победителей».

Календарь с часами

Следующий номер «Стиль. Часы» появится в апреле-мае. Он расскажет о главных событиях Базельской ювелирно-часовой ярмарки, Baselworld. Первый осенний номер будет посвящен сентябрьским событиям, в том числе и Парижской биеннале. Кроме того, речь пойдет о новых часовых шедеврах на аукционах и антикварных ярмарках. В конце ноября — начале декабря 2018 года выйдет номер об участниках и победителях главного часового конкурса в мире — Grand Prix de Geneve. Первый «Стиль. Часы» 2019 года будет посвящен новинкам очередного Женевского салона высокого часового искусства, SIHH.

Хью Джекман и новый Таймвокер Хронограф. Воплощение абсолютной точности. Совершенство исполнения. Официальный хронометрист Фестиваля скорости в Гудвуде. Реклама.

MONT
BLANC

Inspired by performance
TIMEWALKER

Hugh Jackman and the new TimeWalker Chronograph

Новый TimeWalker Chronograph – воплощение абсолютной точности и настоящего духа автогонок.
montblanc.com/timewalker

Crafted for New Heights.

Official Timing Partner of the
Goodwood Festival of Speed.

ВАЖНА НЕ ТОЛЬКО КРАСОТА, НО И ТЕХНИКА ШАБИ НУРИ, PIAGET

— Piaget Ultimate
Concept с толщиной
механизма всего 2 мм

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

женщины тоже заинтересованы
в часах на основе сверхтонких
автоматических калибров

Швейцарка Шаби Нури уже почти год стоит во главе Piaget. Начинала она в Cartier, с 2014 года работала в Piaget, занимаясь преимущественно ювелирным направлением, а с 1 апреля прошлого года сменила многолетнего руководителя марки Филиппа Леопольда-Метцгера. Она первая женщина на должности генерального директора бренда в компании Richemont. Нынешний SIHH — ее первый часовой салон в новом качестве, и он сразу начался с сюрпризов для журналистов.

— Мы были поражены появлением стальных ювелирных Piaget. Неужели даже ювелиры сегодня движутся в сторону более доступных моделей?

— Вы имеете в виду нашу новую коллекцию часов Possession? Я думаю, что слишком смело считать часы за €4000 «доступными». Просто одни любят золото, другие — сталь. Это часы, которые были вдохновлены нашими украшениями. Мы знаем, что наши клиенты сегодня ищут разные модели, разные стили, разные механизмы и разные цвета.

— Связано ли появление стальных часов с поиском новых, более молодых клиентов?

— Нет. Молодые клиенты тоже могут интересоваться золотыми часами. Я думаю, это зависит не от возраста, а от вкуса. В зависимости от страны, в зависимости от множества факторов они выберут стальные часы или золотые.

— Сверхтонкие
механизмы Altiplano —
гордость Piaget

— Как у марки дела с мужскими часами?

— Мы продолжаем их создавать. У нас нет желания в чем-то себя ограничивать.

— Приятно видеть, что вы не оставляете в тени ваши замечательные Altiplano.

— Это один из лучших сверхтонких «автоматов» в мире. В нашем Altiplano Ultimate Automatic мы смогли уменьшить высоту механизма благодаря тому, что корпус стал его составной частью. Чтобы сделать часы высотой всего 4,3 мм, мы добились настоящего единства корпуса и механизма! Каждая деталь здесь для достижения тонкости. К примеру, стрелки установлены не над циферблатом, они защищены мостами от возможных при такой высоте корпуса движений стекла. Это по-настоящему революционная конструкция. И, кстати, одна из наших главных новинок для мужчин.

— Мужские часы в течение долгого времени увеличивались в размерах. Какие диаметры вы считаете подходящими для Piaget сейчас?

— Скажем, когда в 1957-м мы начинали работать с первым калибром 9P, мы старались сделать больший циферблат, чтобы расположить на нем больше элементов. Когда уменьшается высота, увеличивается диаметр, элементы механизма размещаются не один над другим, а на одной линии. Altiplano Ultimate Automatic, к примеру, получили корпус диаметром 41 мм. Но они не предел тонкости. Я покажу вам еще одну новинку этого года, Ultimate Concept с толщиной механизма всего 2 мм — толщиной монеты.

— К ним даже страшно прикасаться!

— Вы вполне можете к ним прикасаться. Это невероятные часы, за пять лет работы над ними мы зарегистрировали четыре патента. Вы можете видеть, к примеру, что заводная коронка более плоская, чем обычно. Это для того, чтобы не выходить за пределы общей высоты часов. Вам понадобится вытянуть ее, чтобы повернуть. Так как коронка слишком мала, то, чтобы облегчить ручной подзавод, мы разработали специальное приспособление, которое умножает силу одного поворота.

Кроме того, в этих часах новый способ крепления стекла: оно полностью интегрировано в механизм. Корпус мы сделали из кобальта, одного из очень сложных в работе материалов, потому что золото было бы недостаточно прочным. Механизм этих часов — дань уважения традициям дома Piaget, инженеры которого создали сверхтонкий 9P.

— А браслет? Он тоже сверхтонкий? Можно ли будет носить такие часы?

— Существует только три таких модели. Это скорее концепты, которые показывают наши возможности и наши умения. Благодаря своей тонкости они станут основой для новых произведений в часовом и ювелирном искусстве.

— Вероятно, эти часы нельзя отнести только к мужским? На их базе появятся женские?

— Женщины тоже заинтересованы в часах на основе сверхтонких автоматических калибров. Я уверена, что многие покупают Piaget именно потому, что уверены: механизм соответствует высочайшим стандартам. Важна не только красота, но и техника.

— Именно это ценили ваши знаменитые клиенты — от Джеки Кеннеди до Энди Уорхола. Вы продолжаете переиздание исторических моделей?

— Да, мы продолжили лимитированную серию часов Piaget Society, которые носил Энди Уорхол. И есть еще одна модель — Extremely Lady. Ее браслет создан по технологии, с которой мы работаем с 1960-х годов. Золотая гравировка, сделанная вручную, изображает волны, мех, снег или даже дерево. Ведь эти часы вдохновлены природой. Мы ежегодно привносим что-то новое в Piaget.

Беседовали Екатерина Зиборова и Алексей Тарханов

PANERAI

*Люминор 1950 8 Дэйс ДжиЭмТи Аччайо – 44 мм (референция 233)

LUMINOR 1950
8 DAYS GMT ACCIAIO - 44MM
(REF. 233)*

БУТИК PANERAI
МОСКВА – БЕРЛИНСКИЙ ДОМ, УЛ. ПЕТРОВКА 5

PANERAI.COM • +7 495 662 75 76

LABORATORIO DI IDEE.

реклама

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ФОРМА

ПЬЕР РАЙНЕРО, CARTIER

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

для меня cartier — часы формы. и эта форма может приспосабливаться ко многим вещам

— Cartier Santos de Cartier

Директор Cartier по стилю и наследию Пьер Райнеро привез в Женеву новую коллекцию знаменитой с начала XX века модели Santos. Она рождена часами, которые Луи Картье сделал в 1904 году для своего друга, пионера авиации Альберто Сантос-Дюмона. Считается, что это одни из первых мужских наручных часов XX века.

— Cartier опять возвращается к линии Santos. Значит ли это, что прошлые марки по-прежнему актуально?

— У этих часов было несколько реинкарнаций. Santos появились на кожаном ремешке, а в 1978 году обрели металлический браслет, став еще более мужскими. Нынешние часы имеют новый дизайн, они рассчитаны на то, чтобы их носили и с браслетом, и с ремешком. Для этого есть встроенный в корпус замочек QuickSwitch. Он позволяет легко менять браслет на ремешок, и наоборот. Иметь два варианта для одних часов, мне кажется, хороший способ связать два исторических этапа существования модели. Первый, в начале XX века, и второй, в его конце.

— Полагаю, это не последнее появление Santos в истории Cartier?

— Разумеется. Не стоит забывать и модели 2004 года. Тогда мы создали два типа часов, которые кажутся мне очень интересными. Прежде всего Santos Dumont, не имевшие рамки вокруг циферблата. Это напомнило мне историю, как Луи Картье, начав с часов Сантос-Дюмона, пришел к гениальному, чистому в своем дизайне Tank. И конечно, Santos 100, вариант еще более спортивный и яркий.

— Как происходит возрождение ваших исторических линий? Дизайнеров вызывают на ковер в тайный кабинет и говорят: «Так! Что-то давно мы не видели Santos!»

— Нет, это происходит совершенно неформально и не решается приказами. Но по идее близко. Мы встречаемся, совещаемся, обсуждаем разные сюжеты, болтаем о наших любимых часах и вдруг кто-то говорит: «Я так любил Santos... Хорошо бы сделать новую модель, она поспеет как раз года через два».

— За что вы высказываетесь на этих собраниях? У вас есть фавориты среди часов Cartier?

— Есть. И, поверите ли, много. Но в пользу одних часов я всегда готов высказаться. Мой фаворит — это «Нормальный танк», Tank Normale. Почему? Это отличный пример того, как сделать более заметной квадратную форму в прямоугольных, по сути, часах. Две металлические боковины, которые окружают циферблат и переходят в ушки для ремешка, делают так, что циферблат становится квадратным. Настоящее дизайнерское чудо.

— Для вас образ Cartier — это ювелирные или сложные часы?

— Ни одно и ни другое. Ни специально ювелирные, ни специально сложные. Для меня Cartier — это часы формы. И эта форма может приспосабливаться ко многим вещам. К примеру, Tank развивались сразу в разных направлениях. Как только была создана новая форма часов, тут же появились женские ювелирные модели и более строгие мужские — из платины или желтого золота. Так что прежде всего форма. Что дальше? Украшения, усложнения. Возможно все!

— У Cartier была интереснейшая программа разработки сложных часов. Сейчас она не столь заметна, как несколько лет назад.

— Это и понятно. Наши часовщики добились огромных успехов. Кароль Форестье создала изумительные механизмы. И я уверен, что коллекционеры, которые догадались их вовремя купить, сделали замечательное вложение. Но сложные модели интересуют лишь очень узкий круг часовых знатоков. Мы вкладывали очень много сил, но не видели отклика от наших клиентов. Так что это прагматическое решение. Что, конечно, не мешает нам развивать усложнения, вроде показанных на нынешнем SIHH «таинственных» часов с летящим турбийоном и скелетонизированным циферблатом.

— Вы считаете, что есть часовые усложнения, более близкие духу Cartier, и не столь характерные, следовательно, не такие уж и нужные?

— Прыгающий час, например, который тоже очень быстро появился в Tank, — дань не только сложности, но и эстетике. Это создает свободное поле циферблата без цифр, индексов, стрелок. «Таинственные» и скелетонизированные часы, как и летящий турбийон, тоже подчинены эстетике.

Беседовал Алексей Тарханов

GPHG

GRAND PRIX D'HORLOGERIE DE GENÈVE

2017

Travel Time Watch Prize

Toric Hémisphères Rétrograde
Полностью произведено в Швейцарии
parmigiani.com

г.Москва, Тел. +7 (495) 777-83-82

РЕКЛАМА

PARMIGIANI
FLEURIER

Оставляя первенство за собой

РОССИЯ — ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РЫНОК КРИСТОФ ГРЕЙНДЖЕР-ХЕРР, IWC

— IWC Big Pilot's Watch Annual Calendar Edition «150 Years», часы из юбилейной коллекции, оснащенные годовым календарем. Лимитированная серия 100 экземпляров

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

IWC исполнилось 150 лет, и наша юбилейная коллекция объединяет будущее и прошлое

Покидая руководство IWC (и перед тем как неожиданно распрощаться с группой Richemont), многолетний глава марки Жорж Керн передал дела молодому архитектору Кристофу Грейнджеру-Херру. Новый генеральный директор проработал в IWC больше десяти лет. Он участвовал в разработке фирменного стиля марки и строил самые интересные выставочные стенды на SIHH. В первый год в качестве главы IWC Кристофу Грейнджеру-Херру выпала честь представлять юбилейную коллекцию.

— Ваша работа в IWC началась со 150-летия марки и коллекции, ему посвященной.

— IWC — бренд не только с внушительным прошлым, но и с замечательным будущим. Поэтому юбилейная коллекция, которую мы представляем сейчас, при помощи совершенно новых моделей рассказывает об основных этапах развития марки, обосновавшейся 150 лет назад на границе Швейцарии и Германии в городке Шаффхаузен, что на берегу Рейна. Она объединяет будущее и прошлое. И даже наручные и карманные часы. В коллекцию Jubilee входят 28 моделей из разных семейств: Pilot's, Portugieser, Portofino, Da Vinci.

— Это настоящий парад ваших возможностей.

— Заглавная модель, с которой мы начинаем, — лучшее тому свидетельство. Дизайн Tribute to Pallweber основан на дизайне карманных часов 1884 года. Эта модель показывает время совершенно революционным для конца XIX века цифровым способом и имеет прекрасный эмалевый циферблат.

— Эти часы — с надписями на русском языке — мы видели в вашем музее.

— Да. И в этом нет ничего удивительного. Мы экспортировали нашу продукцию в разные страны, в том числе и в Россию. Теперь у нас есть Tribute to Pallweber — модель с ручным заводом, совершенно новым калибром с двумя

— Новая мануфактура IWC готова к работе

заводными барабанами и цифровой индикацией времени. Эта модель вышла в красном золоте, в стали и в платине.

— На выставке есть и другие свидетельства, а точнее, свидетели славной истории IWC. Мы встретились с вашим замечательным часовщиком Куртом Клаусом. Как хорошо, что он до сих пор у вас работает.

— Конечно, ведь он настоящая легенда. Курт Клаус фантастический человек и талантливейший инженер. Он с нами больше 60 лет и приложил руку ко многим нашим механизмам. Почти в каждом из них легко угадывается его почерк. И, между прочим, Курт очень активен в социальных сетях, он воплощает связь между нашим наследием и нашими инновациями.

— У вас на руке пилотские часы. Какие модели из ваших коллекций вы носите и почему?

— Мой выбор меняется в зависимости от того, где я и что я делаю. У меня много Pilot's. Первые часы марки, в которые я влюбился, — это Aquatimer 2004 года выпуска. Благодаря этим часам я полюбил IWC. Но сейчас все зависит от ситуации. По случаю событий, предполагающих дресс-код black tie, я могу выбрать Portofino или Portugieser.

— Чем, по-вашему, отличаются друг от друга классические коллекции Portofino и Portugieser?

— Вдохновением для Portofino послужили карманные часы. Они классические, это единственное семейство, в котором используются римские цифры. Portugieser созданы по образцу корабельных приборов, инструментов мореплавателей. Они более крупные и скорее спортивные. Portofino изящные и тонкие, Portugieser — стильные. В общем, и те и другие хороши.

— Как идет работа над вашей новой мануфактурой? Вы объявили о том, что собираетесь переехать в недавно построенное здание.

— Мы в процессе переезда и надеемся открыться перед летними каникулами. Это одиннадцать тысяч квадратных метров примерно в трех километрах от Шаффхаузена.

— Неужели IWC покидает город?

— Вы же знаете историю нашего основателя, американца Флорентина Ариосто Джонса. Он специально построил мануфактуру у Рейна, чтобы использовать течение реки в качестве источника энергии. Но уже сто лет как для машин не нужны запруды и приводные ремни, а места по-прежнему для расширения нет. Поэтому мы можем расти только вверх. Последние десять лет мы искали место в Шаффхаузене, но в черте города так и не нашли. Там тесно. Именно поэтому мы переезжаем на окраину, где, как говорится, дышится легче. В случае необходимости мы можем расширяться и дальше.

— Как, по-вашему, работает IWC в России?

— Россия — наш исторический рынок. И, между прочим, важнейший. У нас есть бутик в Москве, мы сотрудничаем с Mercedes-Benz Fashion Week, и с помощью наших партнеров мы стараемся не только поддерживать отношения с нашими постоянными клиентами, но и привлекать новых. А главное, мы привозим в Россию часы, которыми действительно можно гордиться.

— Кто выполнил дизайн стенда в этом году? Неужели, даже став главой марки, вы развлекаетесь проектированием выставок?

— Это нормально. Я должен следить за визуальным образом марки не в меньшей степени, чем за часовыми усложнениями. Так что и заказ, и проект исходили от меня. Я объяснил то, что мне нужно, и моя команда дизайнеров все это выполнила.

Беседовали Алексей Тарханов и Николай Зубов

ФАБРИС АМЕДЕО
УЧАСТНИК
КРУГОСВЕТНОЙ
РЕГАТЫ
VENDEE GLOBE**

КЛАРАНСМЕН

Все грани превосходства

НОВИНКА Hydra-Sculpt*

Четкий контур лица.

Увлажнение и повышение упругости кожи.

*Гидра-Скульпт

**Ванде-Глоб

CLARINS **MEN**

НА ТАКОЙ ПОДАРОК СПОСОБНЫ ЛИШЬ МЫ НИКОЛА БАРЕЦКИ, MONTBLANC

Montblanc 1858
Pocket Watch Limited
Edition 100

роль minerva в montblanc исключительно важна — там производят самые сложные наши механизмы, по которым судят об уровне наших часов

Montblanc космополитична — германская марка, делает свои часы в Швейцарии и руководима французами: Никола Барецки принял эстафету из рук Жерома Ламбера. Они добились того, что часы самого высокого уровня предлагаются за не самые большие деньги. Не зря, говоря о своих коллекциях, Никола Барецки предпочитает называть заводские цены, именно в паре цена-качество мало кто может соревноваться с Montblanc.

— Montblanc прославилась ручками, выпускает кожаные изделия и модные аксессуары, но примерно четверть оборота марки составляют часы.

— Мы сконцентрированы на аксессуарах для мужчин. А что может быть важнее для мужчины, чем часы, которые отсчитывают время специально для него? Разве что ручка, которой он подписывает самые важные бумаги или пишет самые главные письма — те, которые не доверишь мессенджеру.

— Или чехол, в который он кладет самое дорогое, что есть у современного человека, — мобильный телефон. Но мне кажется, что Montblanc особенно внимательна к часовому искусству, тем более что вам принадлежит одна из старейших мануфактур Швейцарии — Minerva.

— Более двадцати лет назад мы начали производить наши часы в швейцарском Ле-Локле. А в 2006-м приобрели мануфактуру Minerva в Виллере, знаменитую своими механизмами. В этом году ей исполняется 160 лет. Ее роль в Montblanc исключительно важна — именно там разрабатываются самые сложные наши механизмы, те, по которым судят об уровне наших часов. Поэтому во всех наших коллекциях есть главная вещь, которая обычно доверена мастерам Minerva, часы с усложнением, и более простые, но ничуть не худшие модели стоимостью от €2000 до €4000. Именно так выстроены две наши главные коллекции этого года: 1858 и Star Legacy.

— То есть механизмами Minerva оснащаются ваши флагманские часы. Но они ведь не остаются единичными выставочными экземплярами. Насколько я знаю, вы постепенно вводите их в рядовые коллекции.

— И пример тому на нашем стенде. Часы, сделанные на основе часов Geosphere с двумя вращающимися глобусами, которые разрабатывала Minerva два года назад. Теперь это наручные часы с изображением на циферблате двух проекций Земли, двух полусфер, северной и южной, с 24-мя часовыми поясами и индикатором «день/ночь». Северная крутится против часовой стрелки, а южная — по часовой стрелке. Вы видите и движение Земли, и время на всей планете.

— Да, очень красивые часы с редким и эффектным усложнением.

— Я продолжу: корпус из стали или бронзы с гравировкой гор на задней крышке. Керамическое кольцо циферблата, семь красных точек, которые показывают семь главных вершин. Их мечтают покорить все альпинисты, но удается это не каждому, таких счастливых в мире не более 500 человек. Я уже не говорю о настоящем механизме Minerva, ремешке из состаренной кожи, который сделан нашими мастерами.

— Но что же в этих часах рядового?

— Я вам скажу. И вы поймете, почему я называю эту модель лучшими часами на нынешнем SIHH. Имею право. У этих исключительных по качеству и концепции часов «рядовая» только цена — они стоят €5190. Я считаю, это подарок коллекционерам, но на такой подарок способна лишь Montblanc с нашими мастерами, художниками и часовщиками Minerva.

— Не зря все говорят об этих часах. При этом они не лимитированы?

— Мы знали, что об этих часах будут говорить, но они предназначены не для музея, а для наших клиентов. Лимитирован только бронзовый вариант, но и его будет выпущено немало — 1858 штук. Более редким станет однокнопочный хронограф с новым механизмом Montblanc MB M16.24. У него очень легкий титановый корпус и циферблат из естественного голубого камня, который называется джомрттерит. Можно поместить эти часы в кожаный чехол, использовать их и как наручные, и как карманные. А можно выдвинуть два упора и превратить эти часы в настольные. Наконец, на задней крышке часов мы поместили настоящий компас. Его можно откинуть на 180 градусов, чтобы положить вместе с часами на географическую карту. Было непросто сделать так, чтобы магнит компаса не влиял на механизм. Мы заключили магнит в клетку Фарадея, специально обработав стекла, отделяющие компас от механизма. Таких часов будет только сто.

— Какая модель станет главной в вашей классической линии Star Legacy?

— Классическое усложнение, турбийон. Но не самый обычный. Это подвешенный всего на одном мосте турбийон с балансом, расположенным над клеткой турбийона. Часы Suspended Exo Tourbillon выйдут ограниченной серией — 58 экземпляров — и будут стоить около €90 000. Но это и вправду исключительные часы, достойные такой из ряда вон выходящей для Montblanc цены. Зато новый вариант нашего однокнопочного хронографа Nicolas Rieussec мы предлагаем всего за €7450. Это наш самый известный хронограф. Как вы помните, он появился в 2008 году и был вдохновлен историей — изобретением часов, записывающих время с помощью пера с чернильными метками, запатентованных в 1821 году французским часовщиком Никола Рёссесом. Как и в его хронографе XIX века, счет минут и секунд идет на двух дисках, правда, не с помощью чернил, а с помощью единой синей стрелки. Еще в коллекции Star Legacy есть часы с лунными фазами и полным календарем, и все они стоят от €2600 до €4200. Пусть кто-нибудь предложит такое разнообразие и такое качество по такой же цене!

Беседовал Алексей Тарханов

Я ЛИШЬ ЧАСТЬ PANERAI АНДЖЕЛО БОНАТТИ, OFFICINE PANERAI

Бермудский кетч «Эйлин», построенный в 1936 году, — часть мифа Panerai

Panerai
Lo Scienziato —
Luminor 1950
Tourbillon GMT

мы развивали не форму корпуса, а техническую начинку — в наших мануфактурных калибрах мы не стеснялись в средствах выражения

Славой Panerai мы во многом обязаны Анджело Бонатти. Специалист в часовом и ювелирном деле, работавший в итальянском филиале Cartier, он вместе с Франко Колоньи был выбран главой Richemont Йоханом Рупертом для создания нового бренда на базе флорентийской часовой марки Officine Panerai. Миланец Бонатти смог сделать невозможное. Он создал одну из самых узнаваемых и желанных часовых марок, соединяющих итальянский дизайн и швейцарское качество. Последним из старой гвардии Richemont он покидает в этом году пост, чтобы передать его Жан-Марку Понтруэ. Анджело Бонатти решил попрощаться с читателями «Стиль. Часы».

— Как представить себе Panerai без вас? Как будет теперь выглядеть бренд? Вы знаете?

— Нет, честно, я не знаю. Я никогда не отделял себя от бренда и никогда не старался выделиться за его счет. Я лишь часть Panerai. Мы говорим в Италии: «Незаменимых нет». В Panerai есть мой характер, мои черты, моя голова, мое сердце. Но я не верю, что без меня все остановится. Все будет продолжаться. Может быть, не точно так, как было при мне, а по-другому, но продолжаться. Я верю, что все мои сотрудники, а каждый из них на вес золота, продолжат свою работу. И прекрасные часы по-прежнему будут выпускаться.

— Жан-Марк Понтруэ — опытный часовый менеджер, прошедший и Montblanc, и Roger Dubuis, но все-таки не могу вас не спросить: как это случилось, что самая итальянская часовая марка французам отдала?

— Об этом надо спрашивать не меня, а владельца Richemont, господина Руперта. Буду с вами честен, я просил итальянца! Сейчас не так-то легко найти итальянца в часовом деле, но можно было поискать! Я всегда настаивал на том, что мы — итальянская марка. За нами море, итальянский дизайн, Флоренция, dolce vita. Но группа выбрала мне в преемники Жан-Марка. Как говорил Гарибальди: «Obbedisco!» Слушаю и повинуюсь.

— По сути, при вас Panerai имели только два, максимум три — если считать Mare Nostrum — типа корпуса. И при этой скромности форм часы марки встали в ряд самых известных и любимых в мире.

— Разве вы не знаете, что ограничения всегда стимулируют творчество? Мы развивали не форму корпуса, а техническую начинку — у нас несколько десятков мануфактурных калибров, в которых мы не стеснялись в средствах выражения. Вместо того чтобы плодить новые линии, мы совершенствовались в рамках наших основных корпусов Radiomir и Luminor, улучшая механизмы, пробуя новые материалы: композиты, керамику, бронзу.

— То есть пока другие изобретают невероятные корпуса, вы работаете в строгих правилах итальянского дизайна XX века?

— Это магия марки. В этом ее сила, ее итальянский вкус. Недаром нас любят дизайнеры и художники по всему миру.

— А вам какой тип корпуса ближе?

— Пожалуй, Luminor. С него мы начали, когда еще не было ни мануфактуры, ни бутиков, ни сотен служащих по всему миру. Только рабочий стол, лампа и Luminor Marina на столе. Это была икона, и для меня она ею и остается. Это то, что добавили новые Panerai к историческому имиджу Radiomir. Не зря сейчас, когда мы решили разработать более «костюмные» Due, мы обратились именно к нашему знаменитому корпусу Luminor.

— В линии Due вышли, возможно, самые маленькие Panerai — в корпусе 38 мм. Это шаг к тому, чтобы делать женские часы?

— Panerai при мне оставался мужским брендом. Что, кстати, часто привлекает к нам клиенток, которые с удовольствием надевают крупные мужские часы на тонкие изящные руки. Но посмотрим, что будет дальше.

— Вы приняли «морскую» марку и поддерживали ее репутацию, в том числе и с помощью яхтенных гонок. Вы приобрели для Panerai собственный корабль, бермудский кетч «Эйлин», построенный в 1936 году. Что будет с ним?

— Красавец «Эйлин»... Жан-Марк Понтруэ не так любит паруса, как я, не знаю, что он будет делать с кораблем. Для меня это часть имиджа Panerai, это особенный корабль, наш символ, который имел для нас большую ценность.

— У Panerai есть еще один секрет. Сейчас все марки бросились в сети, Instagram, телеграммы и фейсбуки. Ваша марка не гонялась за сетями, но у вас давно существует профессиональное сетевое сообщество, «панеристи». Как вы этого добились? Как вы работали с ними?

— В это авторитетное сообщество я никогда не входил. Для меня «панеристи» как комната, в которой заседает комитет единомышленников. Я туда не хотел. Там есть те, кто будет меня обижать. Я не хочу этого слышать. А есть те, кто будет меня хвалить. Мне это слушать вредно. Лучше оставаться снаружи.

— Вы даже не отправляете в эту воображаемую комнату своих сотрудников?

— Они туда ходят. Но мне не говорят.

— В последние годы вы вставляете в ваши корпуса самые сложные механизмы. Репетиры, календари, турбийоны. Не разорвут ли они однажды классический корпус Panerai, чтобы получить в итоге нечто новое?

— Я думал об этом. У нас хорошие просторные корпуса. Они рассчитаны на давление моря. Давление мысли они точно выдержат.

Беседовал Алексей Тарханов

ЭМОЦИИ — ЭТО ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧАСОВ

МИШЕЛЬ ПАРМИДЖАНИ, PARMIGIANI FLEURIER

— **Parmigiani Fleurier**
Kalparisma Nova
Galaxy, женские часы,
созданные
в честь десятилетия
коллекции

Мишель Пармиджани создал собственную часовую компанию Parmigiani Fleurier в 1996 году. До этого уроженец швейцарского кантона Невшатель, любитель архитектуры и искусства занимался реставрацией часовых механизмов. Он вспоминает, что пришел в профессию в самый разгар кварцевого кризиса, но смог сохранить любовь к часовому делу. Семья швейцарских промышленников и часовых коллекционеров Сандо стала акционером его именной марки и работающей с ней часовой фабрики Vaucher. На SINN 68-летний мастер привез новые вариации своей знаменитой модели Kalpa.

— Что важно для вас в Kalpa, что заставляет вас возвращаться к этой линии?
— Я очень люблю эти часы, они были сделаны совершенно особым образом. Я хотел создать корпус наручных часов, который был бы стопроцентно эргономичен. Это было для меня самым важным. В конце концов, технические сложности я был готов преодолеть, я был уверен в своих силах. Но дизайн — это другая история. Особенно дизайн наручных часов.

— Удивительно, что вы, механик, говорите именно о дизайне. Это действительно так важно в эпоху покупных механизмов?

— Здесь все связано. Я реставратор и понимал, что мало что еще можно придумать в классических часах, хотя я и стараюсь изобретать, когда делаю свои настольные часы. Наши великие предшественники создали все или почти все, а вот наручные часы существуют не так давно, там есть над чем подумать.

— В чем же, на ваш взгляд, главные проблемы наручных часов?

— Возьмем хотя бы размер. Это важно. Перед тем как создать свою марку, я занимался реставрацией. Я всегда любил настольные часы. Кстати, я реставрировал настольные часы из собрания Музея декоративных искусств в Париже, которые принадлежали Демидовым. Астрономические часы Бреге. Там много места для механизма, роскошные условия, как и в карманных часах. А вот в наручных часах механизму тесно. Я пустился в эксперименты с микро-механикой, и это захватило меня полностью, потому что это только кажется, что меняется один размер, на самом деле, меняется вся философия работы.

— Вы правы, наручные часы не просто объект, это продолжение тела.

— Вот именно! Такие часы должны создаваться как скульптура, как архитектурное произведение. Проекция и изгибы Kalpa связаны с пропорциями, рассчитываемыми по спиралям Фибоначчи. Мы движемся к системе измерений, которая существовала еще в античной архитектуре и называлась «золотым сечением».

— В ваших часах заметно это стремление решать технику одновременно с дизайном — то, что в архитектуре называется «проектированием изнутри наружу».

— Я называю это единством содержания и формы. Техника там внутри, но о ней нельзя забывать. Если вы показываете деталь или даже головку винта, они тоже должны быть гармоничных пропорций. Много скрыто под округлым корпусом Kalpa, но я же знаю, что у этих часов внутри. Там прекрасный механизм. Он от рождения приспособлен к корпусу в форме «бочки». А сам корпус сделан так, чтобы наилучшим образом лежать на руке. У него не плоское стекло, а выпуклая крышка, нет ни одного острого угла, ушики для крепления ремешка тоже в него интегрированы. Я очень горжусь дизайном.

— Вы удовлетворены теми механизмами, которые предлагает Parmigiani Fleurier мануфактура Vaucher?

— Vaucher — это ведь тоже мы, все равно как правая и левая рука одного человека. Мы работаем вместе и потратили время на то, чтобы создать наши базовые механизмы, но теперь мы довели их до совершенства.

— Марка Parmigiani Fleurier — среди учредителей фонда часовой сертификации Qualite Fleurier.

— Он появился ввиду необходимости иметь общие критерии, общие ценности, которые начали теряться. Меня это всегда волновало, и наконец вместе с нашим соседом по Флёрье Chopard и Карлом-Фридрихом Шойфеле мы создали клеймо, знак качества Qualite Fleurier. Это позволяет зафиксировать уровень, создать эталон, чтобы основывать на нем наши последующие разработки.

— Как вам, часовщику и реставратору, удастся управлять механизмом целого предприятия? Тут же важны люди, а не только пружины, маятники и пропорции.

— Дело, опять же, в пропорциях. Надо уметь делегировать полномочия. Не надо все делать самому. Надо доверять людям. Это позволяет собрать команду, соткать связи между сотрудниками, чтобы не все они проходили через тебя.

— Зачем марке Parmigiani Fleurier понадобились полеты на воздушных шарах? Как они связаны с часами? Или это просто один из видов спорта, который спонсируют часовщики?

— Полеты на шарах — это наш подарок для самых верных наших клиентов и помощников. Мы помогаем им освоить то, что я называю четвертым измерением часов — эмоции. В данном случае эмоции от полета, знакомства со швейцарскими горами, местом, где родились современные часы. Дружба, которая устанавливается в корзине воздушного шара, это как дружба, которая устанавливается вокруг наших часов.

Беседовал Алексей Тарханов

НАМ НУЖНЫ И ЧАСОВЩИКИ, И «ЦИФРОВИКИ» ВИЛЬГЕЛЬМ ШМИДТ, A. LANGE & SOHNE

A. Lange & Sohne
Triple Split

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

A. Lange & Sohne
1815 Homage
to Walter Lange

triple split — наше технологическое достижение. Это часы, которых никогда не было раньше

Глава старинной саксонской часовой мануфактуры Вильгельм Шмидт привез в Женеву целую серию новинок и рассказал «Часам» о переменах, которые начались в A. Lange & Sohne со времени строительства в Гласхютте нового производственного здания.

— Довольны ли вы новым местом, новой мануфактурой? Заработала ли она на полную мощность?

— Если я чему-то и научился, так это тому, что работу трудно завершить. Мы все еще работаем — теперь над старыми зданиями. И, возможно, вы знаете, что мы переводим наши отделы PR, маркетинга, наших дизайнеров из Гласхютте в Берлин. На самом деле за всем этим стоит довольно простая идея. В Гласхютте у нас рай для часовщиков. Здесь спокойно, тихо. Но новые таланты из, скажем, цифровой эпохи этим не заманишь. А мы бы хотели иметь рай и для часовщиков, и для «цифровиков». Именно это мы и делаем и считаем, что в Берлине создать такое место легче, чем в Гласхютте.

— Трудно представить таких традиционалистов, как A. Lange & Sohne, создающих рай для любителей цифрового мира.

— Дело не только в цифровом мире, конечно. Давайте посмотрим с другой стороны. Вот вы дизайнер. Откуда вам брать вдохновение? Горы? Реки? Леса? Не думаю. Вам нужно, чтобы вас окружали последние тренды, субкультуры, все такое. Вот то, что вам нужно. А этого в Гласхютте нет.

— А почему Берлин, а не, например, соседний Дрезден?

— Дрезден для этого слишком мал. Дрезден — это такой большой Гласхютте, а не маленький Берлин.

— Вы по-прежнему поддерживаете отношения с музеями в Дрездене?

— Да, конечно. Некоторые моменты нашего сотрудничества особенно важны для нас. Например, все то, что касается Физико-математического кабинета в Цвингере. Но это музеи, а не то массовое новое искусство, которое мы надеемся прочувствовать в Берлине.

— Чему стоит уделить особое внимание в вашей коллекции этого года?

— Думаю, одна из важных новинок — наш Triple Split. Тройной сплит-хронограф, у которого есть счетчики для секунд, для минут и даже для часов. Размеры практически такие же, как и у Double Split, диаметр такой же, но Triple Split чуть выше, потому что мы переделали корпус. Это, конечно, наше технологическое достижение. Вы прекрасно понимаете, как сложно создать часы, которых никогда не было раньше.

— Корпус из золота или из платины? И никакой стали, как всегда?

— Конечно! Какая тут может быть сталь?

— Все ваши соседи по SIHH начали делать часы из стали...

— У нас тоже есть одни. Но только одни. Что же касается второго шедевра нашей коллекции в этом году... Ровно год назад нас покинул наш основатель Вальтер Ланге. И после нашего возвращения с прошлогоднего SIHH мы стали думать, как мы можем почтить его память. Он все время уговаривал нас сделать часы с прыгающей секундной стрелкой, потому что его прадед первым в Германии оформил патент на этот механизм. Раньше мы отказывались — по коммерческим соображениям. Но на сей раз мы решили: «Мы сделаем такие часы в память о нем». Это примерно 260 часов, и именно потому, что часы посвящены Вальтеру Ланге, у них необычные лимитированные серии. 27 лет прошло с того момента, как марка была возрождена, и поэтому в серии есть 27 часов из желтого золота. 90 часов из розового золота знаменуют год, когда господин Ланге возродил марку, — 1990-й. И ровно 145 лет прошло с того момента, как прадедушка господина Ланге основал бренд. Поэтому мы выпускаем 145 штук в белом золоте. Но вот что я хочу сказать. Вальтер Ланге всегда думал о будущем поколении. Поэтому есть еще одни часы, они будут проданы на аукционе в мае, и они единственные в своем роде — это те самые стальные. Я не знаю, сколько они будут в итоге стоить, но я знаю, что каждый цент пойдет благотворительной организации, которая помогает детям.

— Как вы строите свои отношения с новым поколением?

— Даже то, как вы задали вопрос, выдает ваш европейский склад ума. Для меня тоже было всегда очевидно, что человеку необходимо повзрослеть для хороших часов. Но ситуация совершенно по-иному складывается в Америке или в Азии или на Ближнем Востоке. Там люди получают доступ к деньгам и возможность их тратить в куда более молодом возрасте. Вчера я был на обеде любителей нашей марки, и был поражен тем, как много среди них молодых коллекционеров. Поэтому я не очень беспокоюсь за новое поколение. Можем взглянуть на обратную сторону медали — как мы решаем вопрос поколений у себя. Как мы находим новых мастеров? Очень просто. Мы сохраняем нашу школу часовщиков, у нас всегда есть 50–60 молодых учеников. Так что и в этом «поколенческом» вопросе у нас все под контролем.

Беседовали Алексей Тарханов и Николай Zubov

МОЯ МУЗЫКА — ЭТО ЧАСЫ ФРАНСУА-ПОЛЬ ЖУРН, F. P. JOURNE: INVENIT ET FECIT

F.P. Journe
Chronographe
Monopoussoir
Rattrapante

только когда ты перестаешь
производить часы, у них начинается
собственная жизнь

Независимый часовщик и создатель марки F. P. Journe: Invenit et Fecit Франсуа-Поль Журн в этом году участвовал в SIHH дважды. В павильонах салона он выставил коллекцию женских часов Elegante by F. P. Journe, а на своей женеvской мануфактуре показал новую мужскую спортивную модель Chronographe Monopoussoir Rattrapante.

- Вас можно поздравить со вступлением в клуб часовщиков-миллионеров?
- Часовщиков-миллионеров? Что вы имеете в виду?
- Я говорю о продаже на благотворительном аукционе Only Watch в Женеве, где ваши часы ушли более чем за миллион. Многие старинные марки не могут похвастаться таким результатом.
- Тогда подчеркните, что с этого миллиона мы не получаем ничего, потому что все вырученные средства идут на благотворительность, на ученых, изобретающих лекарство против миопатии Дюшенна. Мне кажется, на наши часы не пожалели таких денег, потому что я подошел к делу серьезно. Для Only Watch каждая марка должна создать единственную в своем роде вещь. Но большинство делает часы в другом материале или с новым циферблатом. Я же разработал специальную модель, которой никогда больше не будет в коллекциях F. P. Journe.
- Но она похожа на вашу новую модель Chronographe Monopoussoir Rattrapante.
- Это разные часы, хотя мне уже пришлось выслушать разные глупости насчет того, что, раз так удачно прошла продажа на Only Watch, Журн решил на базе рекордных часов сделать другие. Как будто бы можно было сделать

новые часы за рождественские каникулы! Просто пока я работал над моделью для Only Watch, я параллельно рисовал эти часы. И они отличаются от тех, что были выставлены на аукцион. Сейчас выходит модель с механизмом из алюминиевого сплава в титановом корпусе, потом — в розовом золоте, затем — в платине. Почти 80 часов запаса хода и 60, если не больше, часов для хронографа. Специальный браслет, который очень легко приспособить к любому запястью. И самая большая дата, которую мне приходилось делать, — ее высота 5 мм.

— На вашей мануфактуре в витринах выставлены разные часы. Сразу видно, что вы выработали свой собственный стиль не только как часовщик, создатель механизмов, но и как дизайнер.

— Когда я был маленьким, я любил рисовать. Я любил старинное часовое дело, которое изучал не только при помощи механизмов, но и при помощи рисунков. Некоторые мастера «золотого века» часового искусства тоже были замечательными рисовальщиками, например Абрахам-Луи Бреге создал свой стиль, нельзя не узнать часов Бреге. Или Антид Жанвье, вы всегда определите его руку. У меня была возможность рисовать, а теперь — работать с прототипами, с моделями. Я всегда интересовался тем, как стекло ловит свет, как сделать часы, которые имеют большой диаметр, не громоздкими, или наоборот — как подать маленькие часы так, чтобы они выглядели на руке больше. Это оптические иллюзии, кото-

рые в часовом деле так же важны, как в живописи или графике. Дизайн в часах очень важен.

— Но когда говорят «дизайнерские часы», речь часто идет об уродках, химерах, чудовищах? Чем страннее часы, тем больше в них «дизайна».

— Я выступаю за классику. У классики свой дизайн, посложнее современного. Я делал очень разные часы. Но все они были классичны.

— Но все-таки это отчасти повторение того самого «золотого века», азбука часового искусства. Классический дизайн будет однажды исчерпан?

— Не думаю. Это как спрашивать, удастся ли вам сочинить новую музыку на основе все тех же семи нот. Моя музыка — это часы.

— В новом году вы распрощаетесь с вашим знаменитым репетиром Sonnerie Souveraine?

— Мы остановим производство Sonnerie Souveraine в конце 2018 года. После этого у меня будут часы с другим великим усложнением, ведь хотя у меня и есть своя мануфактура, а рук, чтобы делать два таких сложных механизма одновременно, недостаточно. Так что сейчас у тех, кто хочет заказать Sonnerie Souveraine, есть последняя возможность.

— Это подействовало на клиентов?

— Ко мне приходил один из моих клиентов, который все откладывал приобретение репетира. Думал несколько лет, а теперь понял, что это его последний шанс.

— Следите ли вы за судьбой своих часов? Могут ли к вам снова вернуться Sonnerie Souveraine?

— Иногда я покупаю часы на вторичном рынке для новых клиентов, которые боятся, что часы достанутся им в ненадлежащем состоянии. Купив, я их перебираю, проверяю, снабжаю паспортом и бумагами. Так что клиенты получают часы в идеальном состоянии, как новые. Но боюсь, что Sonnerie Souveraine будут слишком дороги даже для меня.

— Что вы ощущаете, когда вынуждены расстаться с моделями или прекращаете их производство?

— Удовольствие. Это как выпустить птицу. Только когда ты перестаешь производить часы, у них начинается своя жизнь. Потому что их судьба отсчитывается с момента, когда их больше не производят. Пока часы выпускают, они пленники, они не имеют настоящей стоимости.

Беседовал Алексей Тарханов

ДЛЯ НАС ВАЖНА ЭЛЕГАНТНОСТЬ АЛАН ЦИММЕРМАН, BAUME & MERCIER

— Baume & Mercier Clifton Baumatic замечательны не только сами по себе, но и тем, что в них стоит собственный механизм марки, который назван Baumatic

Женевской маркой Baume & Mercier Алан Циммерман руководит с 2009 года. До этого он семь лет работал на Cartier, а потом провел четыре года на мануфактуре IWC в Швафхаузене. В Baume & Mercier он следует заветам отцов-основателей марки, девизу Селестена и Луи-Виктора Бомов: «Стремиться к совершенству — производить часы только самого высокого качества».

— Вы привезли в Женеву спортивные часы, которые были разработаны совместно с Indian Motorcycles. Вы водите мотоциклы?

— Водил, когда был молодым. Что касается моделей, которые мы создали вместе с Indian Motorcycles, то за каждой своя история. Часы Burt Munro отсылают к мотоциклу Indian Scout Streamliner, на котором Берт Монро установил свой знаменитый рекорд скорости в 1967 году. Если вы присмотритесь к их циферблату, то заметите, что он имеет необычную структуру, словно поверхность высохшего соляного озера. А на циферблате с номером 35 вы увидите надпись «Монро». У другой модели — Scout — циферблат очень интересно прорисован: с одной стороны, он позволяет увидеть механику часов, с другой, — напоминает моторный блок мотоцикла. Мне кажется, что такими часами могли бы гордиться многие молодые люди. Каждая модель ассоциируется с Indian Motorcycles. И цены просто отличные — €3400–3600.

НОВЫЙ МЕХАНИЗМ СОЗДАН КОЛЛЕКТИВНЫМИ УСИЛИЯМИ, НО ЕГО НЕ БЫЛО БЫ БЕЗ НАШЕГО ЖЕЛАНИЯ

— Сколько часов будет выпущено в этой линейке?

— Они все лимитированы. Burt Munro — 1967 штук. В честь года, когда был установлен мировой рекорд. A Clifton Club Scout и модель Chief — по 1901 штуке. Это в честь года основания Indian Motorcycles.

— Поздравляем вас и с появлением собственного механизма Baumatic. Но как не вспомнить, что в прошлый раз, когда мы с вами беседовали, вы сказали, что никогда не займетесь производством механизма.

— Мы изменили сам подход к его созданию: вместо того чтобы сделать часовой механизм ради механизма, мы решили сделать его целой платформой: в этом случае его создание становится оправданным. Все в мире меняется. И наша позиция в этом вопросе тоже.

— Этот механизм был разработан в ваших собственных мастерских или он результат сотрудничества с другими марками, входящими в группу Richemont?

— Он был создан благодаря нашему сотрудничеству с центром исследований и разработок Richemont. А его производством занималась мануфактура ValFleurier. Она работает для Richemont с 2005 года. Так что механизм был создан коллективными усилиями, но всего этого не было бы без желания Baume & Mercier.

— Это было ваше желание — использовать кремниевые детали при создании механизма?

— Кремний помогает справиться с воздействием магнитных волн. К тому же он значительно улучшил характеристики запаса хода. Его использование дает еще ряд преимуществ, в том числе и точность хода в $-4/+6$ секунд в день, что позволит всем часам с механизмом Baumatic получить сертификат COSC.

— Чего вам не хватало в тех механизмах, что есть на рынке, почему вам понадобился свой собственный?

— Я считаю, что это способ напомнить о нашей истории. Механизм мы получили точно такой, какой задумали. Для Baume & Mercier всегда очень важной составляющей была элегантность часов. А когда мы разрабатываем механизм с запасом хода на пять дней, нужно справиться с увеличением размера. Часы должны быть элегантными, тонкими.

— Ваш новый механизм будет использоваться в других моделях или для них у вас есть другие механизмы?

— На сегодняшний день Baumatic устанавливается только на часах Clifton. Сказать точно, будет ли он использоваться в других линейках, довольно сложно. Тут все зависит от желания клиентов. Если однажды кто-то захочет приобрести часы другой модели, но с этим механизмом, очевидно, что мы сделаем для него такие часы. Но это все в долгосрочной перспективе, года через два-три. Возможно, мы будем использовать Baumatic и в женских моделях, почему нет? Этот механизм помещается в корпус 36 мм.

— Вы не рассматриваете созданный вами механизм в качестве базового? Возможно ли, что в будущем вы будете его усложнять и дополнять?

— Вполне возможно. Его размеры позволяют добавлять к нему небольшие усложнения. Другое дело, что сказать точно, когда это произойдет, я пока не могу.

Беседовали Алексей Тарханов и Кирилл Сарханянц

МЫ АРИСТОКРАТИЯ ЧАСОВОГО ПРОИЗВОДСТВА ПЬЕР ЖАК, DE BETHUNE

De Bethune
DB28 Steel Wheels

Механизм DB28 —
один из шедевров
Дени Флажолле

у de bethune есть все: мастерство, узнаваемость, художественное качество и слава настоящей мануфактуры

Пьер Жак вновь встал во главе De Bethune, в которой он директорствовал до 2015 года, составляя революционную тройку со своими коллегами: хозяином марки Давидом Занеттой и часовщиком Дени Флажолле. Когда в прошлом году Давид Занетта решил продать свою долю в компании, Пьер Жак выкупил марку, в будущее которой всегда верил.

— Вы много лет проработали с часами и часовщиками. Сначала как журналист, один из создателей швейцарского часового журнала GMT. Как продавец часов — в качестве руководителя женевского филиала магазинов Ambassadeurs. Как общественный деятель — руководя работой жюри Grand Prix d'Horlogerie de Geneve. Вы много сил отдали De Bethune, потом другой независимой часовой компании MCT, и вот вы снова у руля De Bethune. Это будет новая марка?

— Наоборот. Это будет та самая De Bethune, которую все так любили. Честно говоря, не так уж много надо поменять. У этой марки есть все: мастерство, узнаваемость, художественное качество и слава настоящей мануфактуры. Мы творим подлинное часовое искусство. Это даже не перемена, это попытка вернуться немного назад. Я руководил De Bethune в течение пяти лет с 2011-го и до 2015-го, а до того долго дружил с ее создателями, харизматичным предпринимателем Давидом Занеттой и выдающимся часовщиком Дени Флажолле, который остался партнером компании.

— И что вы чувствуете, вернувшись?

— Я пришел в дом, который хорошо знаю, я в нем не чужой. Вдали от него я открыл в себе новую любовь к De Bethune, я понял, что был отравлен благородством. Как можно полюбить другой дом с той же силой? Мы задирали нос, мы задавались, но мы и вправду аристократия часового производства, хотя в Швейцарии нет дворян.

— Где ваш основатель, Давид Занетта, у которого мы с вами однажды гостили в швейцарских горах?

— Давид на пенсии, ходит на рыбалку, занимается своим садом, своей художественной коллекцией. Ему все-таки за 70, он приблизился к тому возрасту, когда хочется покоя, а в часовом деле в последние годы покоя нет никому.

— Кому же теперь принадлежит De Bethune? Вы владелец?

— Владельцев много. Я собрал группу инвесторов, которые выкупили долю Давида и у которых отныне большая часть акций De Bethune. Марка не принадлежит одному человеку, тем более мне. Если уж выбирать какое-нибудь одно имя, то после ухода Давида душа, мозг и руки De Bethune — это Дени Флажолле, наш знаменитый часовщик. И наш деловой партнер. Он проявил исключительную верность марке, целый год работал в нашей мастерской в горах, ожидая новой, лучшей жизни для De Bethune. И многое успел придумать, его идей хватит на ближайшие годы.

— А с какими идеями, с каким новым опытом возвращаетесь в эти горы вы?

— Вот что я знаю теперь точно: как говорят у нас, «деревья не растут до небес». Надо быть гордым и скромным, было бы неправильно превращать De Bethune в «большую марку», пусть она лучше будет маленькой, но бесконечно красивой.

— С чем бы вы сравнили De Bethune? С часовым бутиком-отелем?

— Да! Мы ни в коем случае не будем гнаться за количеством вещей и пытаться сделать тысячи часов, лишь бы побольше продать. Это убило не одну марку. Нет, мы будем развивать очень и очень эксклюзивное производство. Мы останемся в нашем размере, в наших мастерских, в наших горах. Там, где мы начинали.

— Сколько же часов вы намерены выпускать?

— В этом году мы сделаем не больше сотни. В будущем, наверное, 150, а через два года перейдем к 200 экземплярам. И на этом количестве мы остановимся.

— Сколько они будут стоить? Будете ли вы пересматривать цены? И если да, то в сторону увеличения, как в последние годы, или, наоборот, в сторону уменьшения?

— Мы их уже уменьшили. Я считаю правильным отказаться от наценки, которую все вокруг добавляли к своим часам, пользуясь благоприятной конъюнктурой. Мы снизили цены на 25–30%, то есть вернулись к тому моменту, когда De Bethune — это произошло в 2015 году — заработала свою славу и свою финансовую прочность, кстати, вполне заслуженную. Цена наших часов теперь начинается от 30 тыс. швейцарских франков.

— Где вы будете их показывать? Почему в этом году вы выставитесь не в стенах SIHH, не в Carre des Horlogers, среди других «независимых»?

— Carre des Horlogers — отличное место. Я был там в прошлом году вместе с MCT, я был там три года назад с De Bethune, но я считаю, что нам лучше принимать клиентов в отеле. В Женеве — в Four Seasons, в Базеле — в Ramada. У нас нет цели непременно повидать десять тысяч журналистов и пять сотен деловых партнеров. Это ближе к образу нашей марки, чем «фабрика люкса» на SIHH или Baselworld.

— К чему стремится команда инвесторов De Bethune? Укрепить независимость марки или ее перепродать?

— Мы даже не обсуждаем такой возможности. Продавать De Bethune в ближайшие годы мы не собираемся. Что будет дальше, через пять или десять лет, я не знаю, посмотрим на часы.

Беседовал Алексей Тарханов

МНЕ НРАВИТСЯ КОПАТЬСЯ В МОТОРЕ ЖЕРОМ ДЕ ВИТТ, DEWITT

DeWitt Academia
Endless Drive

в базель больше не поеду. он очень изменился — и к худшему. в жене́ве совершенно иная публика

Наш давний знакомый Жером де Витт, создатель одноименной марки часов, собиратель редких часовых станков, потомок Наполеона I и царского министра Сергея Витте, впервые появился на SIHH на выставке «независимых». Золотой стенд DeWitt заметно выделялся на фоне минималистических декораций его соседей по Carre des Horlogers. Впрочем, это и понятно, он был придуман для показа на Парижской биеннале в сентябре прошлого года.

— Рад видеть вас здесь, на SIHH. В сентябре на Биеннале вы говорили, что больше не заинтересованы в профессиональных часовых салонах?

— Так оно и есть, но Женевский салон — совсем другое дело. Это особенная ярмарка, на которой все продумано для творцов, часовщиков. В дни SIHH весь город живет часами. И гораздо лучше выставляться здесь, в Palexpo, вместе с другими марками, потому что все очень заняты — у гостей нет времени выехать в город на презентацию даже на 15 минут. Но все, кто пришел на SIHH — а это главные часовые журналисты, самые солидные клиенты, владельцы больших сетей, — вас увидят. И я сказал себе: здесь надо быть представленным, мои вещи этого заслуживают, надо их показать.

— Вы привезли совершенно новую модель DeWitt Academia Endless Drive. Новую и единственную.

— Мы решили немного изменить стратегию DeWitt. Вы помните, что мы делали много разных моделей, мы были щедры на выдумку, но в конце концов решили, что лучше выбрать одну важную концептуальную вещь, чтобы она запоминалась. Так мы сделали на Биеннале с Academia Mathematical, так мы сделали и в Женеве — с Academia Endless Drive.

— У нее достаточно необычный циферблат — с двумя счетчиками, разделенными вертикальным архимедовым винтом.

— Мы начали работать с бесконечными винтами. Они мне напоминают карданный вал автомобиля, который передает усилие к колесам. Вы же знаете, что я большой любитель антикварных автомобилей. Это уже интересное дополнение к механизму, и к тому же позволяет сделать симметричный, спокойный циферблат. Что значит «спокойный»? Минималистичный, дизайнерский, графичный, но — я надеюсь, вы это понимаете — не скучный. Ни в коем случае не скучный.

— В то же время это вполне узнаваемые часы DeWitt. Нынешние Endless Drive останутся единственным вариантом?

— Я сохранил особый тип корпуса Academia с «имперскими колоннами» по бокам. Но в то же время добавил современности, соединив каучук и золото. У меня есть пять проектов, которые последуют за этой моей разработкой. Нынешняя Academia Endless Drive — это базовая модель с мануфактурным механизмом. Все — от механизма до циферблата — сделано у нас. Я люблю приводить такие цифры: на рынке 600 часовых брендов, но только 18 из них способны производить собственные механизмы и лишь 4 — собственные циферблаты. Делайте выводы!

— Сколько часов вы намерены производить?

— Сейчас мы делаем примерно 200 сложных часов в год. Если добавится новая модель — это связано с заказами, — производство может дойти до 1000 часов. Начальная стоимость часов DeWitt примерно 40 тыс. швейцарских франков, дальше зависит от модели.

— Вы перевезли в Женеву свою золотую комнату, которую сделали для Парижской биеннале.

— Это работа моего друга, известного французского художника Даниэля Урда. Вы, возможно, помните, два года назад он делал на парижском мосту Искусств напротив Лувра выставку, состоящую из 20 гигантских статуй. Так вот, он предложил сделать стенд для моей марки. Он использовал пчелок с императорского герба, золото и букву «W». В зависимости от света стенд меняется, если вы смотрите анфас, пчелки черные, вы меняете угол зрения — и они золотые. На Биеннале люди так и ходили вокруг, а один из посетителей даже спросил: «Этот стенд продается?». Он хотел его купить.

— Значит, вашу золотую комнату можно будет привезти и в Базель?

— Нет, в Базель я больше не поеду. Он очень изменился — и к худшему. Там стало гораздо меньше участников-часовщиков, тех, кто думает о развитии часового искусства, о науке, о красоте. Там слишком много продавцов деталей, материалов и технологий, и они ужасно назойливы. Мы приезжаем туда продавать, а не покупать. В Женеве совершенно иная публика. Я не хочу быть маркетологом, я хочу быть создателем. Мне нравится копаться в моторе, разбираться в механике, чинить то, что не работает. И я люблю делать вещи, которые бы меня поражали, чтобы было трудно, чтобы не получалось, а потом вдруг механизм начинал бы работать так, как ты хотел с самого начала. Ради этой секунды ничего не жаль.

Беседовал Алексей Тарханов

ЦЕНУ ДОЛЖНА ОПРЕДЕЛЯТЬ ЦЕННОСТЬ ЧАСОВ АНТОНИО КАЛЬЧЕ, GIRARD-PERREGAUX

важно иметь такой продукт, который
станет проводником вашей soft power

— Girard-Perregaux
Repetition Minutes
Tri-Axial Tourbillon
в титановом корпусе
48 мм, механизм
с ручным подзаводом
GP09560-0001

Итальянец Антонио Кальче возглавляет марку Girard-Perregaux, которая вместе с JeanRichard входит в состав Sowind Group, принадлежащей группе Kering. Опытный часовой менеджер и инженер, он работал в Piaget и Panerai, в течение многих лет руководил Согит и вот уже второй год привозит Girard-Perregaux в Женеву на SIHH.

— Вы вдохновитель Laureato — коллекции, которая остается вашим бестселлером.

— Laureato стала важной частью истории нашей компании. Впервые она была запущена в 1970-е годы. Это время нескольких похожих друг на друга часов. Если вы помните, сначала были Royal Oak у Audemars Piguet, затем наши Laureato, потом Nautilus у Patek Philippe. И вот что интересно: мы запустили обновленную коллекцию Laureato в апреле прошлого года, но у нас есть ощущение, будто бы мы работаем над ней уже лет десять. Эта коллекция по-настоящему успешна.

— Похоже, что с Laureato вы сумели заполучить новых клиентов.

— Да, это так. Наша новая коллекция привлекла молодых клиентов. Сейчас, когда вы слышите Girard-Perregaux, вам на ум тут же приходит Laureato. Эта коллекция занимает значительное место в жизни компании. Важно иметь такой продукт, который станет проводником вашей «soft power».

— Но вы же продолжаете совершенствовать часовую технику?

— Girard-Perregaux
Laureato Skeleton
Ceramic в корпусе
42 мм из черной
керамики с мануфак-
турным механизмом
GP01800-0006

— В 2017 году я нанял много людей в наш центр исследований и разработок. Сегодня изобретательность инженеров очень важна для любой часовой марки. Мне кажется, что в последние годы многие из нас были недостаточно креативными. А потому столкнулись с трудностями. Все говорили о терактах, слишком сильном швейцарском франке, слишком слабых ценах на нефть...

— Но это не оправдания, скорее отговорки.

— Конечно! Почему, к примеру, Gucci смогла втрое увеличить продажи за последние три года? Потому что люди все равно приобретают люксовые товары. Но часовая индустрия оказалась неспособной заинтересовать клиентов, она стала менее привлекательной. Мне кажется, проблема и в том, что мы не особенно продвинулись в брендинге, организации выставок и общении с клиентами. В какой-то момент клиенты просто перестали понимать посыл часовых марок. В начале 2000-х было действительно важно объяснять и рассказывать людям о материалах, о механизмах, об умениях и навыках. Но сегодня все эти разговоры уже не «цепляют» молодых. Такой формат общения не подходит для миллениалов, людей младше 35 лет. Если мы не сможем адаптироваться под молодое поколение, вскоре мы просто останемся без клиентов.

— Еще одна проблема, с которой столкнулись часовщики, это проблема цен.

— Да, на самом деле эта проблема волнует нас уже давно. Возьмем, например, индустрию моды: клиенту теперь незачем покупать пиджак за пять, шесть, восемь тысяч франков. Потому что через год мода на него пройдет, и точно такой же пиджак будет стоить в разы дешевле. Я считаю, что цену должна определять ценность часов. Нельзя творить все, что вздумается. Нельзя действовать в стиле «я мануфактура и устанавливаю любые цены, какие захочу». Поэтому в основе цены на Girard-Perregaux — качество товара и сила марки.

— Расскажите, как у вас обстоят дела с вашим наследием, «золотыми мостами» и турбийоном.

— В этом году Girard-Perregaux действительно достигли огромного прогресса в высоком часовом искусстве. Мне кажется, что мы создали как никогда сложные часы. Это минутный репетир с турбийоном. В этих часах мы сумели совместить большое количество усложнений. Еще мы выпустили современную модель Esmeralda — скелетон на трех мостах. Эта модель создавалась с ручной гравировкой, что требует 200 часов работы.

— Вы собирались делать часы без «великих усложнений», но с «золотыми мостами».

— И мы их сделали. Наша стратегия — расширить ценовой диапазон для моделей с технологией «золотых мостов». В этом году мы добавили две модели. Они дарят возможность нашим клиентам приобрести часы с «золотыми мостами» по очень привлекательной цене. Например, за счет того, что вместо турбийона в них используется большой балансир.

— У вас есть лимитированные модели часов, выпускаемых по случаю важных для дома дат. В частности, часы, посвященные запуску первого спутника Земли. Какие у вас планы?

— На 230-летие дома? Послушайте, у меня в запасе еще два-три года. Но у нас уже есть кое-какие наработки. Например, мы хотим усовершенствовать нашу модель Constant Escapement, но ее вы увидите не раньше, чем придет время.

Беседовали Алексей Тарханов и Кирилл Сарханяни

МЫ НЕ ГОНИМСЯ ЗА ЧИСЛОМ УЧАСТНИКОВ ФАБЬЕН ЛЮППО, SIHH

я хочу, чтобы Женева
стала давосом высокого
часового искусства

— SIHH проходит
в часовом городке,
выстроенном внутри
павильонов жене-
вского выставочного
центра Palexpo

Фабыен Люппо не только директор женеvского Салона высокого часового искусства (SIHH), но и председатель Фонда высокого часового искусства (FHH). Никто лучше нее не знает, что происходит в Женеве и почему маленький салон «независимых», начинавшийся в 1991 году всего с пяти марок, превратился в главного соперника часовой ярмарки в Базеле, существующей уже более ста лет.

— Марки покидают Базель и отправляются в Женеву. Так произошло недавно с Girard-Perregaux и Ulysse Nardin, теперь к вам переехали Hermes и DeWitt. Тенденция, однако.

— Что происходит? Видимо, дома, которые приходят к нам в Женеву, комфортнее себя чувствуют среди коллег, разделяющих ценности и SIHH, и FHH. Мы всегда были последовательны, мы не меняли своего направления. Главное для нас не коммерция, а высокое часовое искусство. Из этого, кстати, следует, что наша цель — качество, а не количество. Мы не гонимся за числом участников, хотя очень рады в этом году принять у себя такой замечательный дом, как Hermes, и пять новых марок в нашем Carre des Horlogers.

— В вашем часовом детском саду для «независимых».

— Да, в детском саду, забавно... Хотя там выставляются отнюдь не дети, а замечательные марки и выдающиеся часовщики.

— Среди членов FHH значительно больше марок, чем среди участников SIHH. Но все они потенциальные участники салона?

— Я так не думаю. Фонд и салон — разные вещи.

— Но вы ведь думаете, что благодаря фонду, который объединяет действительно большие, важные марки, Женева становится столицей часового искусства?

— Женева всегда была столицей часового искусства. Еще с тех времен, когда она приняла часовщиков-гугенотов, бежавших из католической Европы. Она не узурпировала это право. Не зря Женева раздает призы на Grand Prix d'Horlogerie de Geneve. Не зря так престижно «Женевское клеймо» — Poinçon de Geneve. Культурная роль нашего города очень высока.

— А роль Базеля и его Baselworld? Новая ярмарка вот-вот откроется.

— Базель гораздо больше. Нас просто нельзя сравнивать. Мы даже специализируемся на разных вещах. В Женеве сосредоточены только на часовом искусстве, в Базеле есть и другие ветви, другие интересы. Вот уже 28 лет мы занимаемся высоким часовым искусством. В Женеве, как вы знаете, нет производителей механизмов или спиралей, поставщиков деталей. Мы показы-

ваем только результат работы профессионалов, художников, если хотите. В этом смысле мы не столько промышленная ярмарка, сколько художественный салон. Кстати, возвращаясь к FHH, фонд тоже работает в интересах своих членов, а не пытается продать им квадратные метры на SIHH.

— Если однажды другие марки, а среди них есть и те, что появились в Женеве, придут из Базеля, вы найдете для них место?

— Если это очень хорошие марки, которые разделяют наши ценности, конечно, найдем. Мы не можем, правда, расти бесконечно, рано или поздно нас ограничит пространство. Но пока еще немного места у нас есть.

— Где выставляться дороже?

— Я не знаю расценок Базеля. Точнее, знаю, но не могу их обсуждать. Я могу рассказать, сколько это стоит здесь. На салоне большие марки платят примерно 2 тыс. франков за квадратный метр. В Carre des Horlogers метры стоят дороже, 2,5 тыс. франков, но стенды там значительно меньше.

— В свое время Женевский салон следовал сразу за Базелем, теперь вы выбежали вперед.

— Мы не смогли больше согласовывать наши даты, потому что и у выставочного центра Женевы Palexpo, и у базельской ярмарки есть много клиентов и много обязательств кроме часов. Когда Базель подвинул свои сроки, мы, например, «уперлись» в Женевский автомобильный салон. Вот и выбрали январь. Но знаете, маркам это скорее нравится. Все довольны возможностью представить свои новинки в начале года.

— Уверен, вы просто скромничаете, а на самом деле довольны тем, что Женевский салон становится все более и более авторитетным.

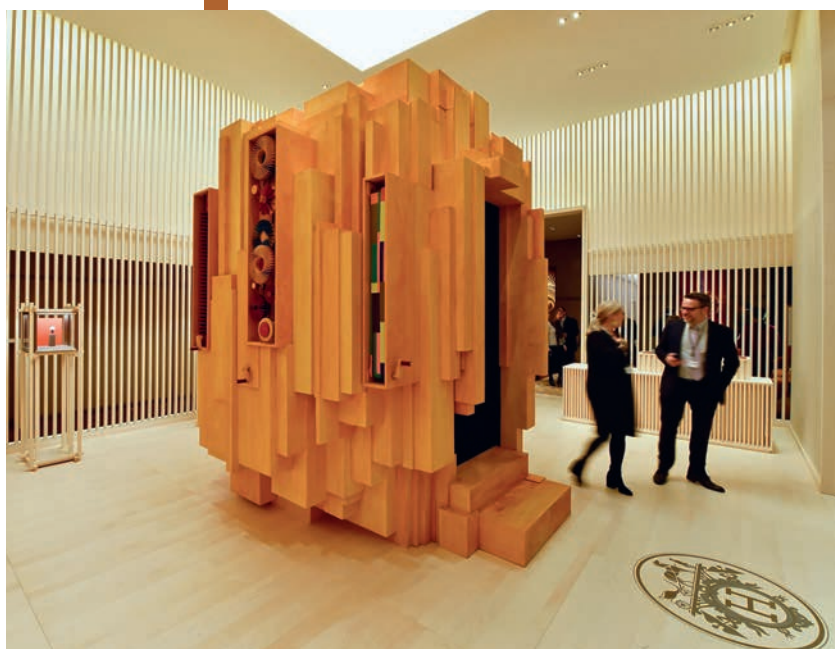
— Всем понятно, что для настоящей часовой марки выставляться в Женеве лучше, чем в Базеле, или в Цюрихе, или в любом другом швейцарском городе. За годы существования SIHH мы показали, что приветствуем красивые марки с красивыми часами и что качество приема у нас по крайней мере соответствует качеству выставленных вещей. Мне уже приходилось это говорить, и я повторю вам. Я хочу, чтобы Женева стала Давосом высокого часового искусства, чтобы все главные действующие лица смотрели на то, что здесь происходит.

— Думаю, многие марки Базеля сейчас интересуются возможностью попасть в Женеву. Как они вас находят?

— Они находят наш телефон в справочнике.

Беседовал Алексей Тарханов

Hermes

Французская марка, часы которой производятся в Швейцарии, впервые участвует в Женевском салоне. До этого она всегда выставлялась в Базеле. Среди новинок — цветные Hermes Arceau Casaque с изображением гермесовского коня. Но главная премьера на SIHH — квадратные мужские часы Carre H (подробнее о них на стр. 45). Они не случайно называются так же, как и прославившие марку шелковые «каре». У этих часов тоже есть своя история. В первый раз они появились в 2010 году как очень ограниченная экспериментальная серия. Модели 2018-го были переработаны тем же дизайнером — знаменитым французом Марком Бертье. На этот раз часовые метки заменены на цифры (причем в формате от 01 до 12), добавлена цветная секундная стрелка (желтая или красная), а механизм использован собственный. Это H1912, который производят во Флерье на той же мануфактуре Vaucher, которая делает механизмы для Parmigiani Fleurier и совладельцем которой является Hermes.

— **Hermes Arceau Casaque** с мотивом Cavale. Циферблат в технике выемчатой эмали, лак и аппликация

MB&F

Глава MB&F Максимилиан Бюссер (на фото он вместе со своими настольными часами Octorpod) представил новую совместную работу с финном Степаном Сарпаневой, специализирующимся на указателях фаз Луны. За основу взяты две прежние работы Бюссера — принцип Horological Machine №5 On The Road Again с циферблатом проекционного типа и корпус Horological Machine №8. В итоге Moonmachine 2 стали первыми в мире часами с оптическим указателем фаз Луны, которая, кстати, выглядит точь-в-точь как Сарпанева.

Girard-Perregaux

— **Girard-Perregaux Laureato Chronograph**

Главное оружие Girard-Perregaux в борьбе за новых молодых и богатых клиентов — серия стальных, золотых или биметаллических часов с восьмиугольным окошком циферблата Laureato. Эти часы были созданы в 1970-х на волне той же моды, что модели-конкуренты, и могут поспорить с ними в том, кто появился первым и кто первым проложил дорогу к сердцу коллекционеров. В 2018 году в шеренгу встали керамическая модель, хронограф, часы-скелетон с турбийоном и часы с цветными циферблатами в алмазном кольце Laureato 34 mm Royalty. Развивается также серия «золотых мостов», давно ставших отличительным знаком Girard-Perregaux, — в виде Classic Bridges, к ним добавлены две сложные модели Neo Tourbillon with Three Bridges Skeleton и Repetition Minutes Tri-Axial Tourbillon с репетиром и «пространственным» турбийоном.

— **MB&F MoonMachine 2**

Montblanc

Среди как всегда богатой коллекции Montblanc одни часы заслуживают особого внимания. Это Montblanc 1858 Geosphere с механизмом, сделанным часовщиками швейцарской мануфактуры Minerva, которые отвечают за самые сложные и интересные модели немецкой марки. В честь основания Minerva в Сент-Имье в 1858 году и названа целая линия, ей посвященная. Часы Montblanc 1858 Geosphere показывают мировое время на земном шаре: глобус представлен в двух плоских проекциях, южной и северной, крутящихся на циферблате. Кроме этого эффектного усложнения, демонстрирующего движение времени на Земле, есть и циферблат второго часового пояса и дата. Корпус часов сделан из стали или бронзы с гравировкой на задней крышке и керамическим кольцом циферблата.

— Montblanc 1858 Geosphere с разработанным Minerva механизмом MB 29.25

— DeWitt Academia Endless Drive

DeWitt

Жером де Витт, впервые выставившийся на SIHH, подготовил часы Academia Endless Drive, в которых симметричный циферблат с двумя счетчиками поделен надвое вертикальным «бесконечным» винтом. Это новый элемент для часовой механики мануфактуры — он одновременно и передает энергию, и помогает ее накапливать. По мере уменьшения запаса хода, составляющего 59 часов, винт вращается вокруг своей оси, а в процессе взвода пружины — движется по продольной оси. У этих часов автоматический механизм DeWitt 5050 и золотой корпус Academia с «имперскими колоннами» по сторонам.

Urwerk

Марка, прославившаяся часами с сателлитным отображением времени, верна в этом году своей классической модели. Однако UR-210 Black Platinum, выпущенная серией в 25 экземпляров, обладает несколькими особенностями. Во-первых, корпус из платины и титана с PVD имеет рельеф, напоминающий круги на воде, по мысли дизайнера Мартина Фрая — графическое изображение звуковых волн при переключении часа, характерного для механизма, разработанного Феликсом Баумгартнером. Во-вторых и в-третьих — два индикатора запаса хода: один показывает мускульные резервы механизма, другой — его владельца, побуждая лентяя к движениям, необходимым для автоматического подзавода.

— Urwerk UR-210 Black Platinum

IWC

На стенде IWC Schaffhausen хозяйничал знаменитый часовой инженер Курт Клаус (на фото). Новый CEO Кристоф Грейнджер-Херр привез в Женеву юбилейные модели к 150-летию марки, основанной американцем Флорентином Ариосто Джонсом в Шаффхаузене на границе Швейцарии и Германии. Настоящий юбилейный парад. Здесь было все, за что любили и любят IWC: их главные линии Pilot's, Portugieser, Portofino, Da Vinci (Aquatimer и Ingenieur в этом году представлены не были) и несколько особенных моделей. Прежде всего — Tribute to Pallweber, сделанные на основе карманных часов с цифровой индикацией австрийского инженера Йозефа Палвебера, выпускавшихся когда-то IWC. В своем нынешнем наручном варианте они стали едва ли не самой эффектной моделью SINN. Рядом с ними оказались новые модели календарей и календарей с турбийоном, а также женские часы Da Vinci, инкрустированные бриллиантами.

— IWC Tribute to Pallweber Edition «150 Years» в платиновом корпусе. 25 экземпляров

— IWC Tribute to Pallweber Edition «150 Years» в стальном корпусе. 500 экземпляров

— Vacheron Constantin Fifty-six с указателями дня недели, даты и запаса хода в 40-миллиметровом корпусе из розового золота с автоматическим механизмом 2475 SC/2

Vacheron Constantin

Cartier

Старейшая часовая марка за 263 года существования испробовала едва ли не все мыслимые дизайнерские формы и инженерные решения. В ее прошлом — примеры для подражания вроде часов 1956 года, поразивших современников точным автоматическим механизмом и классическим дизайном. Новые часы, ими вдохновленные, называются Fifty-six. Это целая линейка, в которой есть и трехстрелочники, и хронографы, и календари с фазами Луны — вполне классические, одновременно и «костюмные», и «спортивные», кроме того, в двух материалах: в золоте и стали. Другая новость — часы в линии Metiers d'Art Les Aerostiers с особым цифровым указанием времени и с рельефным изображением первых аэростатов на циферблатах.

Французские ювелиры и часовщики главного дома компании Richemont привезли новые модели линии Santos. Эти часы, рожденные в начале прошлого века благодаря дружбе Луи Картье с бразильским летчиком и воздухоплавателем Альберто Сантос-Дюмоном, не раз становились основой серий, с восторгом принимаемой новыми поколениями клиентов. Момент для очередного возвращения выбран удачно — сразу за представленными в прошлом году похожими на Santos моделями линии Panthere de Cartier.

Конечно, среди сложных часов вновь появилась работа Кароль Форестье. Rote de Cartier Skeleton Mysterious Double Tourbillon спроектированы в духе «магических» часов с висящим в пространстве турбийоном и скелетонизированным циферблатом.

— Cartier Panthere de Cartier в корпусе из белого золота с бриллиантами

— Cartier Rote de Cartier Skeleton Mysterious Double Tourbillon

Van Cleef & Arpels

АЛЕКСЕЙ ТИХАНОВ

— Van Cleef & Arpels
Lady Arpels Planetarium
в корпусе 38 мм

Ювелиры Van Cleef & Arpels развивают свою линию «астрономических часов». После запомнившихся Midnight Planetarium они сделали более женственный вариант — Lady Arpels Planetarium в корпусе 38 мм, инкрустированном бриллиантами. Механизм создавал все тот же знаменитый часовщик — Кристиан ван дер Клаав. В центре циферблата расположено солнце, вокруг которого вращаются три планеты: Меркурий, Венера и Земля вместе со своим спутником Луной. И пусть мужское начало в виде Марса из этой системы исключено, зато шарики-планеты (перламутровый Меркурий, бирюзовая Земля, Венера голубой эмали и бриллиантовая Луна) движутся по своим кольцам со скоростью, равной их настоящей скорости перемещения по орбитам. Земля обходит циферблат за привычные нам 365 дней, Венера — за 224, Меркурий — за 88. Время суток указывает обходящая циферблат комета или падающая звезда, позволяющая в любой момент загадать желание.

АЛЕКСЕЙ ТИХАНОВ

— Ulysse Nardin Diver
Deep Dive в титановом корпусе. Мануфактурный механизм UN-320 с кремниевыми деталями. 300 экземпляров

Ulysse Nardin

Марка Ulysse Nardin на SIHH 2018 отличилась по крайней мере трижды. Прежде всего тем, что показала докрученный и превращенный в настоящий дизайнерский объект FreakVision. То, что в прошлогоднем концепте InnoVision 2 было в стадии эксперимента (от новой системы спуска с применением кремния и искусственных алмазов до невиданной схемы автоматического подзавода), теперь использовано в первой модели высокотехнологичной линии. К ней добавлены массивные часы для ныряльщиков Diver Deep Dive, способные выдержать погружение на глубину до 1000 метров, и наделавшая шума серия эротических часов Classic Voyeur с фигурками-жакемарами, под звуки репетира нарушавшими общественный порядок и общественную нравственность, но остававшимися при этом совершенными и точными в своих механических движениях.

Richard Mille

АЛЕКСЕЙ ТИХАНОВ

— Richard Mille RM
53-01 Tourbillon Pablo
Mac Donough

Ришар Миль показал новые часы для игрока в поло RM 53-01. Они посвящены давнему деловому партнеру марки аргентинцу Пабло Макдоноу и созданы из сверхпрочного карбона. Их корпус может защитить от удара тяжелой клюшкой-молотом, которым гоняют мяч всадники в этой великолепной, но очень и очень опасной игре. Свидетельство тому — разбитые мячом армированные стекла и — что еще нагляднее — рентгенограмма черепа самого Макдоноу с огромной дырой в правой лобной части. Титановая пластина, которая закрывает теперь мозг игрока, — память о неудачном ударе на юношеском чемпионате. Чтобы защитить механизм от сотрясений, он укреплен внутри корпуса системой тросиков-растяжек: метод, уже примененный в турбийоне, сделанном для Рафаэля Надаля.

— Greubel Forsey
GMT Earth

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

Parmigiani

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

Модели, которые привез в Женеву из швейцарского Флерье создатель марки Parmigiani Fleurier Мишель Пармиджани, — это новое развитие его знаменитой Kalra 2001 года. Часовщик и художник, Пармиджани создал эти модели как выражение единства формы и содержания, корпуса и механизма. Для корпуса в не так уж часто использующейся форме «бочка» был разработан и с тех пор не раз усовершенствован специальный механизм. В коллекции для нынешней SIHH — три мужские модели. Это хронометры Kalra Chronor и Kalrapaghe Chronometre и часы с восьмидневным резервом хода Kalra Hebdomadaire.

— Parmigiani Fleurier
Kalra Chronor с первым в мире золотым встроенным механизмом хронографа с автоматическим подзаводом

Panerai

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

— Panerai Luminor
Due 3 Days Automatic
в стальном корпусе
38 мм

Многолетний глава Panerai Анджело Бонатти собрался в отставку и привез на свой последний SIHH несколько моделей в самом любимом своем корпусе — Luminor. Прежде всего Luminor Due, сделанные в самом маленьком диаметре из когда-либо применявшихся маркой — всего 38 мм, «костюмные» классические часы. И в то же время это настоящие Panerai, разве что приспособленные не для гидрокостюма, а для тонкого запястья. Скорее всего, они созданы для женщин и для клиентов из Азии, которым трудно будет разместить на руке другие Due с диаметром корпуса 45 мм. В нескольких вариантах представлены Luminor Base Logo 3 Days, а у Luminor Marina Logo 3 Days — стальной корпус диаметром 44 мм. И, конечно, Panerai продолжили создание сверхсложных часов, представив Lo Scienziato Luminor 1950 Tourbillon GMT (подробнее о них на стр. 47).

Piaget

Piaget Possession

Среди важных новинок Piaget одни относятся к дизайну, другие — к технике. Среди первых — несколько вариантов Piaget Possession Watches, формы которых были вдохновлены одной из самых известных ювелирных линий марки — Possession. Несмотря на то что это типично ювелирные часы, их корпуса сделаны не только из золота с бриллиантами, но и — впервые — из стали. Piaget известна своими Altiplano, но после рекорда, который марка поставила в 2015 году с часами Altiplano 900P, имевшими толщину всего 3,65 мм, казалось, что большей тонкости достичь невозможно. Однако инженеры Piaget разработали невиданные Altiplano Ultimate Concept толщиной всего 2 мм. Эти часы (о них на стр. 12 рассказывает глава марки Шабан Нури) пока игрушка, вызов, выдающееся достижение, их не наденешь на руку хотя бы потому, что выпущено лишь несколько опытных экземпляров. Но на базе новых механизмов марке предстоит поставить новые, как казалось еще недавно, недостижимые рекорды.

Piaget Possession

Jaeger-LeCoultre

Jaeger-LeCoultre решила вернуться в конец 1960-х — начало 1970-х годов, представив целую линию Polaris, вдохновленную моделью Polaris Memovox, о которой давно вздыхали все поклонники марки. В новой линии пока пять моделей: обычный «автомат», хронограф, хронограф с мировым временем, а также пара винтажных моделей, которые должны напомнить о часах 1968 года, взятых за образец. Jaeger-LeCoultre Polaris Date напоминает об исторической модели формами корпуса и стекла, а также рисунком циферблата и награвированным на задней крышке изображением водолаза. Jaeger-LeCoultre Polaris Memovox замечательны не только своим будильником (крайне редкая нынче функция для наручных часов), но и прямой связью с механизмом 1950-х годов, который справедливо считается одним из лучших образцов часового искусства XX века.

Jaeger-LeCoultre
Polaris Date в стальном корпусе 42 мм похож на своего предшественника Polaris 1968 года

Roger Dubuis

Марка Roger Dubuis своей коллекцией Excalibur Spider продолжила начатое в прошлом году сотрудничество с шинниками Pirelli. Мануфактура, известная своими механизмами и основанная в 1995 году выдающимся часовщиком Роже Дюбуи (1937–2017), все больше склоняется в сторону дизайнерских решений. Еще бы — когда с моторами все в порядке, можно заняться корпусом. Именно так началось новое партнерство Roger Dubuis с Lamborghini Squadra Corse, в рамках которого выпущены 45 мм Excalibur Aventador S Blue и 45 мм Excalibur Aventador S Pink Gold. Для скелетонизированных циферблатов самой своей известной линии Excalibur часовщики использовали материал, давно испытанный в мире сверхвысоких скоростей. Конструкция из углепластика принимает механизмы RD103SQ хотя и не с четверным (как некогда в Quatuor), но с двойным спусковым узлом.

— Roger Dubuis
Excalibur Aventador
S Blue

— A. Lange & Sohne
Little Lange 1

A. Lange & Sohne

Германская мануфактура A. Lange & Sohne привезла в Женеву полную коллекцию своих механических чудес. Главной моделью стал Triple Split — сплит-хронограф, способный записывать не только секунды и минуты, но и часы. Тонкие Saxonia вышли с циферблатом цвета «медной лазури» — из серебра под слоем мерцающего авантюринового стекла. Саксонцы выпустили также три новые женские модели своей линии Little Lange 1 с пурпурным, серым и коричневым циферблатами. В дни прошлого Женевского салона скончался 92-летний Вальтер Ланге, человек, сумевший возродить славу саксонской мануфактуры, исчезнувшей в социалистической Германии. В память о нем были сделаны часы 1815 Homage to Walter Lange с «прыгающей» секундной стрелкой. 260 часов выпущены в желтом, розовом и белом золоте, а единственная специальная модель с черным циферблатом получила стальной корпус. Она будет продана аукционом Phillips в благотворительных целях.

Baume & Mercier

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

Главная новость женевской марки Baume & Mercier — первый за последние годы собственный механизм Baumatic, разработанный совместно с инженерами группы Richemont, но предназначенный исключительно для линии Baume & Mercier Clifton. Причем появление собственного механизма марка не стала использовать для повышения цен, как это не раз делали другие. Среди других новинок Baume & Mercier три пары часов — Burt Munro, Clifton Club Scout и Chief — созданных в сотрудничестве с Indian Motorcycle. Чтобы напомнить о пионерах мотоспорта, при входе на стенд марки поставили мотоцикл Indian Scout Streamliner, на котором в 1967 году Берт Монро установил мировой рекорд скорости на поверхности соляного озера.

— Baume & Mercier Clifton Club Burt Munro Tribute выпущены в 1967 экземплярах в честь года рекорда Берта Монро. На циферблате — его счастливый номер «35», на крышке корпуса — эмблема Indian Motorcycle

F. P. Journe

— F.P. Journe Elegante Ref. EL в корпусе из розового золота с 281 бриллиантом и с циферблатом с 381 бриллиантом

Впервые принимавший участие в SIHH Франсуа-Поль Журн решил представить лишь одну из своих работ: первую в истории марки женскую коллекцию Elegante. Это настоящие montre femme, которые не надо заводить и на которых не надо выставлять время. Если 35 минут они находятся в абсолютном покое, часы останавливаются и включается электронная часть механизма. Стрелки не двигаются, однако микропроцессор продолжает отсчет времени. Как только вы прикасаетесь к часам, они автоматически вернутся в рабочий режим — стрелки примут правильное положение. Конечно, это экономия энергии, батарейки хватит на десять лет. Но гораздо важнее игра, в которой механика пробуждает электронику, а часы откликаются на прикосновение хозяйки. У Elegante три варианта корпуса: из титана, золота или платины.

Audemars Piguet

SIHH 2016

— Audemars Piguet Royal Oak RD#2

Audemars Piguet в этом году отмечает 25-летие своей знаменитой модели Royal Oak Offshore. Часы с корпусом Royal Oak, спроектированным еще в 1970-х годах часовым дизайнером Джеральдом Джен-той, знали несколько удачнейших линий и до сих пор остаются бестселлером марки. В этом году инженеры Audemars Piguet представили новую разработку «вечника» Royal Oak Perpetual Calendar. На сей раз это Royal Oak RD#2 с калибром 5133 высотой всего 2,89 мм, что делает его самым тонким в данный момент вечным календарем-автоматом при запасе хода в 40 часов. Новинка может показаться, как и полагается Royal Oak, стальной, но на самом деле она вышла в платиновом корпусе, которого вполне достойна.

Я РЕШИЛ НАЧАТЬ С ЖЕНЕВЫ КАРЛ-ФРИДРИХ ШОЙФЕЛЕ, FERDINAND BERTHOUD

— Стенд ново-рожденной марки **Ferdinand Berthoud** украшали часовые приборы XVIII века из собрания музея L.U.CEUM в швейцарском Флёрье

— **Ferdinand Berthoud FB-1R. 6-1** — хронометр типа «регулятор» с турбийоном и фузейей. 20 экземпляров в корпусе из стали

COURTESY OF CHOPARD

лучше иметь собственный стиль, чем все время менять его, чтобы понравиться всем на свете

Важное событие нынешнего SIHH — впервые на часовом салоне появился стенд марки Ferdinand Berthoud.

Фердинанд Бертю (1727–1807), рожденный в Швейцарии, затем переехавший в Париж ко двору Людовика XV, теоретик и практик микромеханики, автор морских хронометров, настенных и карманных часов. Он был не менее известен, чем его современник Бреге, и считался не только одним из главных авторитетов часового дела, но и первым часовым журналистом: Дидро и д'Аламбер доверили ему статьи про часы в своей «Энциклопедии». Сопрезидент Chopard Карл-Фридрих Шойфеле выкупил право на имя, построил первые в истории марки наручные часы и вывел свое новое предприятие в свет в рамках SIHH в Carre des Horlogers.

Вслед за хронометром FB 1, был создан новый хронометр FB 1R.6-1 — регулятор, который имеет расположенный в центре турбийон и устройство «постоянной силы» в виде фузейи с цепью. Его черный циферблат — по сути, платина для системы усложнений, которой оснащены эти сверхточные часы, отсылающие к судовым хронометрам Фердинанда Бертю.

Многие работы мастера хранятся в частном музее L.U.CEUM в швейцарском Флёрье, который также принадлежит Карлу-Фридриху Шойфеле. Несколько музейных приборов украсили стенд новой старой марки в Женеве.

— Поздравляю вас с первым появлением на салоне. Это большой шаг для молодой марки, пусть ей и исполнилось два века.

— Да, это можно сравнить с первым выходом в свет.

— Все-таки первым выходом в свет был Grand Prix d'Horlogerie de Geneve в 2016 году, где вы получили ни много ни мало первый приз, «Золотую стрелку». Но почему вы начали с Женевы, а не с Базеля, где много лет подряд выставляется ваша семейная марка Chopard?

— Я думал о том, где впервые представить Ferdinand Berthoud. В позапрошлом году я пришел на SIHH в качестве гостя и посетил Carre des Horlogers. Мне очень понравилась обстановка. Это немного напомнило мне стенд «независимых академиков» в Базеле, но в Женеве все гораздо лучше устроено. Я получил рекомендации от моего нынешнего соседа по Carre des Horlogers, марки MB&F, которую я хорошо знаю и уважаю, как и ее основателя Максимилиана Бюссера. И поскольку я бы не хотел, чтобы Ferdinand Berthoud вечно шла в кильватере Chopard, я решил: почему бы нам не начать с Женевы, а не с Базеля.

— Надеюсь, вас встретили с распростертыми объятиями?

— Мы подали заявку, чтобы принять участие в SIHH в прекрасной компании марок, выставляющихся в Carre des Horlogers. Но сначала нам сказали: «Ну нет, вы еще не такая известная марка».

— Как такое может быть, если у вас в кармане была «Золотая стрелка»?

— Это было до решения жюри! Потом, когда мы выиграли гран-при, нам написали письмо: «Мы изыскали возможность вас принять». Я не в претензии, наоборот, очень хорошо, что они проводят строгий отбор и что Ferdinand Berthoud прошла его с легкостью. Ведь все, что мы делаем, мы делаем серьезно, не для показухи, а для часового искусства, и это близко идеям FHH. Поэтому я и привез в Женеву экспонаты из музея — надо думать об образе и стиле представления, это тоже задача независимой марки. Не только построить новый механизм, не только заключить его в совершенный дизайн, но и придумать, как его показать, создать устойчивый образ марки. Так мы и сделали стенд — нечто среднее между музеем и мастерской часовщика.

— Глядя на новые часы Ferdinand Berthoud, замечаешь, что вы остаетесь в логике первой вещи, FB 1, примерно с таким же корпусом. Что будете делать потом?

— Мы уже работаем над следующим калибром. Он должен быть так же интересен и необычен, как и первый. Это больше, чем идея, над ним работают инженеры, прототиписты, а вот рисунок корпуса мы бы менять не хотели. Лучше иметь собственный стиль, чем все время менять его, чтобы понравиться всем на свете.

— Как происходит работа над часами Ferdinand Berthoud? Неужели вы строите третью мануфактуру во Флёрье?

— Все происходит в знакомом вам здании Chopard Manufacture. Специальный отдел занят разработкой калибра Ferdinand Berthoud, это два высококвалифицированных инженера. Детали для механизмов — мосты, платины — производятся на мануфактуре Chopard. Но сборка проходит в специальной мастерской, которая предназначена только для Ferdinand Berthoud. Корпус FB полностью производится в наших мастерских в Женеве, в мастерских прототипистов, потому что он очень сложен. Потом во Флёрье происходит окончательная сборка. То есть Ferdinand Berthoud — это ни в коем случае не Chopard, и в Женеве я не в качестве сопрезидента Chopard.

— А что у вас на руке? Неужели вам разрешено носить часы Chopard на стенде Ferdinand Berthoud?

— Я ношу эти Chopard, потому что был приглашен на конференцию, где только что говорил о работе с поставщиками золота по программе Fairmined. Поскольку я не люблю носить часы на обеих руках, я пришел с Chopard, но сейчас переодену их и стану Ferdinand Berthoud.

Беседовал Алексей Тарханов

КИНГ-КОНГ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЫНКА HUBLOT CLASSIC FUSION AEROFUSION CHRONOGRAPH ORLINSKI АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Hublot Classic
Fusion Aerofusion
Chronograph Orlinski
Blue Ceramic

— Dobriy den! Kak dela? — встречает меня в своей парижской квартире художник Ришар Орлински.

Нет, он не говорит по-русски, хотя бывал в России. Гостил у русского олигарха на Волге, который заказал ему огромную скульптуру медведя. Имя олигарха, как и многих заказчиков Орлински, остается тайной. Зато медведь всем знаком — похожего можно было повстречать и в Куршевеле, и в женевском Kempinski, и в пассаже у парижской площади Мадлен. Куда ни посмотришь — всюду Орлински с медведем.

Мы говорим о союзе со швейцарской часовой маркой Hublot. Вместе с художником часовщики сделали две модели Hublot Classic Fusion, которые пред-

Hublot Classic
Fusion Aerofusion
Chronograph Orlinski
Titanium

ставили в дни SIHH в Женеве. Они как раз на руке у моего собеседника: Орлински с удовольствием носит свой хронограф Aerofusion Orlinski в титановом корпусе.

Часы сделаны в его стиле, с корпусом в виде кубистической скульптуры, состоящей из многих граней-фасетов, точно так же, как сделаны почти все его работы. Это напоминает мне пиксели в фотографии — но не на плоскости, а в объеме. Даже те, кто совсем не интересуется современным искусством, хоть раз да видели его скульптуры — на полках художественных магазинов, в салонах, а сейчас и в новой галерее, которую Орлински открыл не где-нибудь, а на улице Фобур Сент-Оноре напротив президентского дворца. Всякий раз, проходя мимо, я машу рукой его медведям, пантерам, крокодилам и, конечно, горилле, которую Голливуд обессмертил под именем Кинг-Конга. Именно его Орлински считает своим духовным двойником.

Открыть в себе Кинг-Конга ему пришлось в 2004 году. Тогда он был богат, занимался недвижимостью, рассекал на Ferrari, а с искусством сталкивался только как коллекционер — собирал в основном работы поп-артистов. Все это ему пригодились: и бизнес-образование, и предприимчивость, и собирательство, и вкус. Коллекционеры часто разбираются в искусстве лучше искусствоведов, потому что сами за него платят.

Так вот, однажды он забросил свой выстроенный мир, роскошную квартиру, выгодную работу и решил, что хочет быть художником. Он начал обходить

галереи со своей скульптурой под мышкой, красным крокодилом — сделать ее помог знакомый формовщик, а покрасил колеровщик из автосервиса. Орлински было 38 лет. Поздно? Но, в конце концов, Матисс начал в 40. С тех пор он ненавидит художественно-галерейную мафию и не жалеет для нее оплеух в своей автобиографической книге «Как я сломал правила». Стоит ли говорить, что ему отвечают взаимностью. До такой степени, что один из его собратьев, поддержанный своим — очень знаменитым — галеристом, даже пытался преследовать его в суде. Суд встал на верную сторону, и с тех пор Орлински — оригинальный мастер буквально по решению суда. — Если бы двери не были заперты, мне не пришлось бы их вышибать, — говорит мне Орлински. — Но тогда я не был бы собой и не стал бы тем, кто я сейчас есть. Я выбрал путь, которым никто не шел, как платформу 9¾ в «Гарри Поттере».

Его девиз — Born Wild. Ему не могут простить успех, с которым он объехал на кривой козе всю сложившуюся иерархию старой Франции. Сын банкира здесь становится банкиром, булочника — булочником, а художники, тем паче успешные, не берутся ниоткуда.

У моего собеседника были другие примеры — он вспоминает прежде всего американца Джеффа Кунса, биржевого трейдера, который решил стать главным художником современности и стал им. Не то чтобы Орлински готов был, подобно американцу, ради славы жениться на порнозвезде. Но он построил идеальную систему, в которой он сам командует своим творчеством и сам себе хозяин. И если хочется, отказывается от места главного французского скульптора, потому что увлекся музыкой. Ночами он записывает электророк и дружит с композиторами и певцами.

На первом этаже его дома сидят его сотрудники, рассылающие его скульптуры по свету. Если вы зайдете в дверь, на которой написано «Take the best fuck the rest», вы увидите тигров и пантер, приехавших с одной выставки и направляющихся на другую, и огромного Кинг-Конга, замотанного парусиной и скотчем с надписью «Осторожно», как будто бы он сейчас порвет пути и пойдет спасать блондинку.

Нет, он не нормальный французский художник. Он готов смириться с тем, что он просто самый успешный.

И тут понимаешь, как нашли друг друга Орлински и Hublot. Швейцарская марка тоже всегда нарушала правила. Создавший ей славу Жан-Клод Бивер добился того, что каждые часы существовали по законам произведения искусства. Он точно так же сумел обойти сложившуюся иерархию и сделать новорожденную марку такой же известной, как гранды XIX века.

Hublot живет так же свободно, по близкой системе коммуникации. Лучшие места, знаменитости, самые громкие события — самые искренние и человеческие отношения. И всегда взаимная польза. Две модели — из полированного титана и голубой керамики с 12-гранным безелем и 24-гранным корпусом познакомят клиентов Hublot с творчеством Орлински. А коллекционные рамы Орлински покажут марку Hublot. Они оба Born Wild.

мастера hublot проявили себя как скульпторы ришар орлински

— Вы довольны совместной работой? Готовы при случае пуститься в новую авантюру с Hublot?

— Я привязан к искусству. Я профессионал. Но еще больше я люблю, когда работа художника смешивается с человеческими отношениями, с дружбой, с приязнью. В этом смысле сотрудничество с Рикардо было исключительно плодотворным и по-человечески приятным. В Hublot тоже работают настоящие профессионалы. Но думаю, что и я, со своей стороны, сделал все возможное, чтобы наше предприятие увенчалось успехом. Уже на первую встречу я принес пачку эскизов, в то время как многие начинают сотрудничество с бесед. Мне кажется, надо беречь свое и чужое время.

— Время для вас драгоценно?

— Мне всегда его не хватает. Говорят, что время — деньги, но это нечто гораздо большее. Я бегу наперегонки со временем. У меня постоянное ощущение, что я слишком много придумываю, что я никогда не успею выполнить всё, что хотел бы.

— Когда вы работали над часами, вы получили точные размеры механизма, который нужно уложить в ваш корпус?

— Нет, я не занимался механизмом, моя любовь к часам не так глубока, хотя она зародилась еще в детстве. Механика — развлечение для немногих, немногие действительно ее понимают, а вот дизайн, точнее, скульптура — потому что эти часы и вправду скульптура, — это мое. Во всем, что касалось корпуса, я был совершенно свободен, никаких ограничений не было. Уже потом мастера Hublot взяли мои эскизы в руки, чтобы превратить скульптуру в настоящие часы. Они проявили себя как скульпторы.

— Вы сделали макет, а потом они привели его к нужному размеру?

— Раньше я делал модели из пластилина. Теперь скульптор может работать сразу на компьютере. Я представил эскизы в 3D, и мы вместе стали работать над их воплощением с технической командой Hublot. Они помогли перевести в материал ту форму, которую я передаю фасетами, гранями.

— В часовом корпусе и в небольшом размере это может напомнить огранку драгоценного камня. Откуда эта идея в ваших скульптурах, которые иногда достигают нескольких метров?

— Неофутуристический стиль, преломление идей кубизма. Вспомните работы Брака или Пикассо, представьте их в эпоху ар-деко и добавьте технологичности, как в фантастических компьютерных играх. Кубизм, вы помните, рождался в том числе и в наблюдении за древним племенным искусством. А мои работы — это всегда смесь чего-то очень современного и чего-то древнего. Поэтому они и нравятся людям, я думаю.

— Вы передаете образ животного или человека, но вы не копируете естественные пропорции.

— Мои скульптуры — это скорее образ животного, дикого зверя, который может быть в то же время антропоморфен, похож на человека. Мои крокодилы, пантеры, тигры не были воспроизведением животных, их формы изменены, переосмыслены, они не из зоопарка, а из моего воображения.

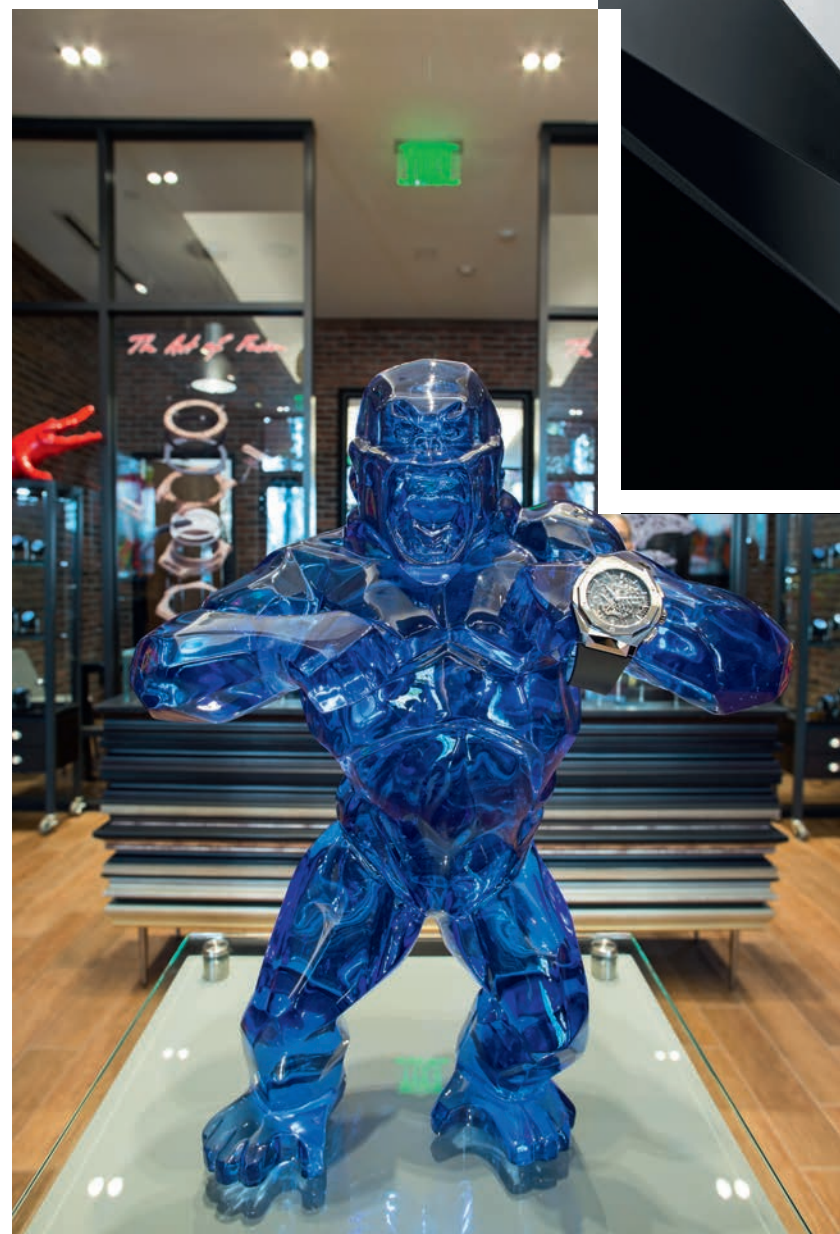
— Точно так же созданные вами часы Hublot — это еще и архетипический образ часов?

— Hublot среди немногих часовщиков, которые с их идеологией «фьюжи» продвинулись так далеко в интерпретации. Мы создали вместе совершенно новую структуру корпуса. Обычно работа с художником ограничивается цветом, циферблатом. А мы сделали объект полностью. Я не знаю ни одну часовую марку, которая позволила бы это художнику.

— Есть ли у вас животное-тотем?

— Если говорить о моих скульптурах, то Кинг-Конг мог бы быть выражением моего существа. Потому что я хотел бы быть на него похожим. Огромная сила, безмерная отвага и готовность защитить тех, кого он любит.

Беседовал Алексей Тарханов

__Кинг-Конг Ришара Орлински носит его титановые Hublot

Скульптор Ришар Орлински встретился с корреспондентом «Часов» в своей квартире-мастерской в 16-м округе Парижа.

— У вас на руке — сделанные вами часы Hublot.

Уверен, что для любого художника спроектировать часы — очень важно. Не каждому это удается.

— Огромное удовольствие носить часы, которые создал сам. Это как если бы я придумал машину и на ней ездил или построил дом и в нем жил. Но часы — это еще и то, что может быть с тобой всегда. Действительно, редкий шанс.

— Вы носите титановую модель, потому что она вам нравится больше синей керамической?

— Ничуть. У меня есть обе, и я их чередую, сегодня с утра я в титановой, а к вечеру надена керамической. Это под настроение. Главное, что они обе выражают меня, мой характер, мое творчество и в то же время они произведения такой марки, как Hublot. Разумеется, это не первая моя встреча с их часами. Но раньше я встречался с ними как коллекционер. А теперь как скульптор. Рикардо Гвадалупе, генеральный директор Hublot, говорит, что мои часы — это «скульптура, которая показывает время».

У СТАРЫХ ГРЕНАДЕРОВ МУЗЕЙ PATEK PHILIPPE АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

«МЫ ВИДИМ ЧЕРЕЗ ЭТИ ЧАСЫ ЭВОЛЮЦИЮ МОДЫ, ТЕХНИКИ, МЫ ВИДИМ, КАК ИЗМЕНИЛСЯ МИР», — ГОВОРИТ ФИЛИПП СТЕРН

Вы не поверите, но в Женеве, самом часовом кантоне Швейцарии, нет государственного часового музея. Вернее, он был, но его дважды ограбили — в 2001-м и в 2002-м, большую часть украденного так и не нашли. С тех пор его не открывали. А если и откроют, то, думаю, не скоро. Он больше не нужен. Дело в том, что в 2001 году в Женеве появился Musée Patek Philippe, и не скоро найдется такой государственный музей, который сможет с ним соперничать. Великие часовые марки сейчас заводят себе архивы и музеи. Польза имиджу, материал для временных выставок, подсказки для современных дизайнеров. Но пожалуй, Музей Patek Philippe был создан не только для того, чтобы способствовать славе и продажам. Понятно, что в частной марке (а Patek Philippe, с 1932 года принадлежащая семье Стерн, остается одной из немногих независимых часовых марок мира) трудно отделить личное от общественного, но с самого начала речь не шла о «корпоративной» коллекции. Это была личная инициатива и личная забава главы марки Филиппа Стерна, который унаследовал страсть к коллекционированию от своего отца Анри Стерна и передал ее своему сыну Тьерри Стерну. «Я начал собирать эту коллекцию в 1964 году», — говорит Филипп Стерн. — У меня было три критерия. Первый — качество вещи и качество механизма. Второй — историческая ценность технических новшеств. Третьим критерием была эстетика. К тому же благодаря нашим архивам мы могли понять, какой знаменитой исторической фигуре принадлежала та или иная вещь». Стерн рассказывает, как годами его удачные покупки накапливались в сейфах старинного здания Patek Philippe на Рю-дю-Рон и как время от времени он вынимал свои сокровища, раскладывал на столе и рассматривал. А однажды решил: почему бы не открыть музей? Ведь в собрании были не только шедевры Patek Philippe, но и замечательные часы других часовщиков и марок.

Тем временем Patek Philippe переехала в новые здания в женевском пригороде План-лез-Уат. И корпуса старинной фабрики, где с 1975 года располагались Ateliers Reunis de Patek Philippe, освободились. Здание, расположенное на улице Старых Гренадеров (есть в Женеве такая улица и такая организация), и стало музеем часов, причем хоть и личным, но общедоступным. Его создавали как независимую от Patek Philippe структуру со своей дирекцией, своими экскурсоводами и кураторами. О том, что это все-таки частный музей, напоминает только запрет фотографировать экспонаты.

Трудно себе представить ценность музея, в котором представлены самые дорогие на Земле часы самой дорогой марки. Именно Patek Philippe сейчас принадлежит большинство аукционных рекордов. Например, здесь до продажи на Sotheby's 11 ноября 2014 года за \$21,3 млн хранились самые дорогие на свете часы — Graves Supercomplication. Они принадлежали катарскому шейху Сауду бен Мухаммеду аль-Тани. Когда музей открылся, в нем было 1,5 тыс. коллекционных часов. И собрание, похоже, удвоилось. Новый директор Musée Patek Philippe Питер Фрисс, не только историк часов, поработавший в германских и американских музеях (в том числе и в Paul Getty Museum), но и часовая мастер по первому образованию, говорит, что в коллекции сегодня 3 тыс. часов и механизмов, к которым надо прибавить и 8 тыс. единиц библиотечного хранения. По его словам, музей принимает почти 50 тыс. посетителей в год. И главная его особенность, за которую Филипп Стерн был награжден в 2011 году специальным призом жюри Grand Prix d'Horlogerie de Geneve, — интерес не только к собственной марке, но и ко всему, что делалось в часовом искусстве до 1839 года, когда Антоний Патек и Франсуа Чапек основали марку, к которой потом присоединился Жан-Адриен Филипп.

Конечно, есть некоторая наивная прямота, с которой в музее пять веков существования часового механизма делятся на две эпохи: праисторическую и историческую — вместе с появлением Patek Philippe. «Мы видим через эти часы эволюцию моды, техники, мы видим, как изменился мир», — говорит Филипп Стерн, осматривая свои владения — часы, музыкальные шкатулки, веера с часами, автоматы с двигающимися фигурками-жакемарами, бегающих по столу механических мышек и модные в XIX веке часовые пистолеты, в которых надо было взвести и спустить курок, чтобы выскочившая из дула птичка исполнила несколько нот. Он счастлив поделиться со всеми удовольствием от своей коллекции, но всегда добавляет: «Я хочу, чтобы музей оставался собственностью семьи. Это не дар государству! Государство никогда нас не поддерживало».

У НАС ХВАТИТ ИДЕЙ НА СЛЕДУЮЩИЕ ТРИ СТОЛЕТИЯ КРИСТИАН СЕЛМОНИ, VACHERON CONSTANTIN

— Vacheron Constantin Metiers d'Art Les Aerostiers с мануфактурным механизмом 2460 G4/1 имеют циферблат из витражной эмали plique-a-jour с золотыми микро-скульптурами воздушных шаров

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Vacheron Constantin
Metiers d'Art Les Aerostiers

мы очень любим Россию,
но я считаю, что для нас так же важно
быть глобальным брендом

Кристиан Селмони пришел в Vacheron Constantin в 1990 году. Сначала он занимался маркетингом, в 2001-м стал главой отдела разработки новых часов, а с 2010-го — художественным руководителем всей марки. Мало найдется специалистов, так хорошо знающих историю Vacheron Constantin, поэтому год назад он занял специально учрежденную должность директора по стилю и наследию.

- Вы ведь потомственный часовщик, но не сразу пришли в часовое дело?
- Я родился в «часовой долине» Валле-де-Жу, и конечно, родители сначала думали о том, чтобы мы с сестрой пошли по их стопам. Но вы знаете, в 1970-х все были уверены, что традиционное часовое дело погребло. Все пользовались кварцевыми механизмами. Так и вышло, что мы нарушили семейные традиции. Нас готовили к карьере менеджеров. А потом все вернулось на круги своя. Мне позвонил один мой старый друг и предложил поработать на Vacheron Constantin. Тогда на мануфактуре было лишь несколько десятков человек, сейчас их больше тысячи, и интерес к механическим часам, особенно таким, какие мы способны сделать, только растет.
- Чем занимаетесь в Vacheron Constantin директор по стилю и наследию?
- Мы единственная швейцарская мануфактура, которая не прекращала работу с момента создания в 1755 году. Мы сохранили все наши архивы, у нас огромная историческая коллекция — у нас хватит идей на следующие три столетия. Мы ищем часы прежних лет или проекты, которые могут стать основой для будущих моделей. Мы ищем даже отдельные детали — циферблаты, стрелки, механизмы, почему нет?
- Но ведь тут можно буквально утонуть в деталях. Ваша история насчитывает 263 года. Как связать ее с современностью?
- Это не антикварная торговля, не спекуляция «винтажем». Я считаю, что наследие — мощный инструмент современного маркетинга, а не просто

история. Оно рассказывает о том, что мы производители классических часов, что наш стиль складывался столетиями. Раз мы известны классическим дизайном, мы должны быть уверены, что наши новые часы по-прежнему классические. При этом они не должны выглядеть устаревшими, пыльными, немодными. Мы объединяем самые современные технологии и материалы.

— Как это происходит в коллекции этого года Fiftysix?

— Это хороший пример. Очень важная линейка часов для нас. При ее создании мы вдохновлялись моделью 6073, выпущенной в 1956 году, и многие детали ее дизайна сохранили. Это были первые наши часы с автоподзаводом, их стрелки были люминесцентными. Все это мы сохранили. А вот циферблат нарисовали другой. Мы показали за стеклом задней крышки ажурный золотой ротор. Коллекция Fiftysix существует не только в золоте, но и в стали, а для Vacheron Constantin это относительно новый сегмент рынка. В итоге мы получили часы, точно соответствующие нашему стилю и качеству, по очень привлекательной цене. Это, я уверен, увеличит количество наших новых клиентов.

— А что вы приготовили для клиентов, которые давно собирают Vacheron Constantin?

— Для них у нас есть Metiers d'Art Les Aerostiers — исключительная коллекция, посвященная запуску первых воздушных шаров. В часах этой коллекции особенная система показа времени. Их циферблат сделан из полупрозрачной эмали, а в центре расположились микроскульптуры — воздушные шары.

— Не собираетесь ли вы выпустить новые часы для русского рынка?

— Мы очень любим Россию, но я считаю, что для нас так же важно быть глобальным брендом. Время от времени мы делаем специальные модели для той или иной страны, но мы хотим создавать часы, соответствующие универсальному, мировому вкусу. Такие часы понравятся вашему соотечественникам, у них всегда был отличный вкус. Кстати, в нашем музейном собрании немало часов, связанных с Россией.

— Вместе с вами мы участвовали в открытии музея на верхних этажах вашего исторического бутика на набережной Женевского озера. Теперь этот дом закрыт, а где же музей?

— Мы переносим его в специальные помещения нашей мануфактуры в План-лез-Уат, которую, кстати, мы с вами тоже открывали вместе. Сейчас ее автор, архитектор Бернар Чуми, добавил новые корпуса. Там всему хватит места.

Беседовали Алексей Тарханов и Кирилл Сарханянц

НОСИТЬ НАШУ ЗМЕЙКУ — НАСТОЯЩИЙ ВЫЗОВ ГВИДО ТЕРРЕНИ, BVLGARI

АЛЕКСЕЙ ТАХАНОВ

octo стал для bvlgari таким же символом марки в мужских коллекциях, как serpenti в женских

— Bvlgari Serpenti Tubogas 3 Gold и Bvlgari Octo L'Originale в корпусе из титана

Итальянец Гвидо Террени работает в Bvlgari уже 18 лет и руководит всем, что римская марка делает в области часового производства. В качестве управляющего директора Bvlgari Horlogerie он следит за тем, чтобы часы — и в том числе сложные часы — занимали достойное место в больших ювелирных коллекциях. При Гвидо Террени появились самые известные сейчас новые линии Bvlgari вроде Octo Finissimo. Конечно, он занят и тем, чтобы наследие марки было достойно представлено на ежегодных показах в Базеле и — с недавних пор — в Женеве.

— Вы делаете прекрасные мужские Octo, но если бы мне предложили носить часы Bvlgari, я с таким же удовольствием надел бы Serpenti. Мужского в ваших драгоценных змеях столько же, сколько женского.

— По-моему, это самые женские часы на свете. Модель на гибком браслете Tubogas стала нашим главным, я бы сказал символическим, украшением с того момента, как появилась, с 1940-х. Это самые чувственные, самые сексуальные, самые необычные часы Bvlgari, вы знаете, как их любят женщины. И конечно, мы привезли в Женеву новые Serpenti. В этом году в моделях коллекции Tubogas мы использовали три вида золота. Часы так и называются — Serpenti Tubogas 3 Gold. Их браслеты — это сочетание розового, белого и желтого золота. Туловище змейки переливается, меняет цвет. Такое сочетание мы использовали в 1950–1960-х, но тогда было в моде желтое золото, а теперь в моду вошло белое и розовое — и мы сделали главным розовое золото.

— Вы ведь теперь используете для браслетов Tubogas не только металл?

— Конечно, они существуют и в керамике. Вот, например, Serpenti Spiga. Идеальны для женщины, которая хочет подчеркнуть красоту своих рук. Самая большая змейка в этом году — целых пять оборотов. Но носить нашу змейку — настоящий вызов. Манифест! Можно выбрать браслет в два оборота, но

в тех же материалах: черная керамика, золото, бриллианты. Есть и браслет из белой керамики. Он особенно хорош летом на смуглой коже.

— В прошлом году вы заменили твердый гнущийся браслет на мягкие кожаные ремешки.

— Мы продолжили эту работу и выпустили Serpenti на длинных кожаных ремешках, цветных или металлизированных. Мы заметили, что такие модели очень нравятся молодым клиенткам, они любят легкость и разнообразие и хотят каждый день выбирать, какого цвета будут их часы. Поэтому крепления сделаны так, что ремешки легко менять. Так что вы можете выходить и с ремешком в четыре оборота, и с ремешком в два оборота или, например, с плетеным золотым браслетом из семи цепочек. И все это с одними и теми же часами, которые каждый раз выглядят по-разному. Они, кстати, тоже могут быть какими угодно — из стали или золота, с бриллиантами или без, вариантов так много!

— Но в них по-прежнему кварцевый механизм?

— Да, потому что головка змеи слишком изящна для того, чтобы уместить в ней механику. Но это не значит, что для женщин нет механических часов Bvlgari. Напротив! Для женщин мы выпускаем такие усложнения, как турбийон и даже минутный репетир. В прошлом году мы сделали часы с турбийоном и циферблатом из прозрачной эмали с изображением попугая, а в этом — часы с изображением птицы феникс. Мы уверены, что наши Divas' Dream Phoenix будут иметь такой же успех, тем более что мы снова ограничили серию 50 экземплярами. И конечно, мы горды нашим первым в серии Divas минутным репетиром, в котором установлен мануфактурный механизм, использованный в Octo Finissimo.

— Значит, ваш сверхтонкий рекордный механизм станет теперь основой для многочисленных ювелирных часов? Но вы ведь не оставите мужскую серию Octo в тени женских моделей?

— Нет, разумеется, Octo стал для Bvlgari таким же символом марки в мужских коллекциях, как Serpenti в женских. Напомню вам об Octa Roma, которые мы придумали как самую доступную часть нашей коллекции. Цены на них начинаются с €5,8 тыс. Дизайн максимально чист, никаких лишних деталей, оставлено главное — сочетание восьмиугольника и окружности. На другом конце палитры — Bvlgari Octo Tourbillon Saphir за €55 тыс., которые в прошлом году наделали в Базеле шума. 50 часов улетели за два дня. Мы сделали новые 50 штук, вместо желто-зеленого в голубом цвете. Наши дизайнерские Octo, которые мы запустили в 2012 году, напомнив о том, что мы вдохновляемся античной архитектурой Рима, все время меняются. Появились Finissimo, квинтэссенция элегантности для современного мужчины, с их корпусами из матового титана, золота или платины. Это великолепные часы, которые можно носить, не снимая. С Finissimo на руках я занимаюсь картингом и нисколько не опасаясь за них.

— В этом прелесть ваших сверхтонких часов. Ты с ними живешь, ты их не замечаешь, но это не значит, что их не замечают другие.

— Вы же видите, что вокруг Octo создается настоящая линия. Вам предстоит много сюрпризов на ярмарке в Базеле.

Беседовал Алексей Таханов

МОЯ МУЗЫКА — ЭТО ЧАСЫ МАРТИН ФРАЙ, URWERK

Urwerk UR-210
Black Platine

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Новый механизм
Urwerk AMC Atomic
Mechanical controlled

в характере инженеров —
нацеленность на решение проблемы,
уверенность в том, что знания помогут
решить любой вопрос

Дизайнер, художник, кинорежиссер Мартин Фрай был вместе с братьями Баумгартнер основателем часового бренда Urwerk и остается его главным дизайнером. Он родился в швейцарском Винтертуре, учился в Цюрихе и Люцерне и разделяет с Феликсом Баумгартнером любовь к искусству и точной механике.

— Как вы встретились с Феликсом Баумгартнером?

— Мы познакомились больше 20 лет назад. На самом деле я начал заниматься искусством вместе с его двоюродным братом. У нас была своя организация U.S.A. — United Swiss Artists. Феликс и его брат Томас были частыми гостями у меня, они приходили на наши вечеринки, студенческие тусовки, концерты. Они казались нам немного странными, потому что были очень не похожи на нас. Но потом мы выяснили, что они занимаются чем-то очень интересным. Часовым делом! И, да, вот так мы начали общаться.

— Несмотря на то что вы были гуманитарием, а он — технарем?

— Именно поэтому! Мой отец — физик и инженер. Я вообще-то очень люблю всякие механизмы, с детства. Я помню, что у отца была мастерская, где он делал небольшие модели машин и механизмов. Я был просто очарован всем этим! А потом, вы знаете, как это бывает, когда молодые люди хотят заниматься чем-то противоположным тому, что делают родители. И вот я выбрал другую дорогу. Но и в этом было что-то семейное. Мой отец был хорошим художником. Но когда я выбрал искусство, это было своего рода бегством от мира техники, технологии. Познакомившись с часовщиками, я увидел и другой мир.

— То есть этот детский опыт помог вам понять язык, на котором объясняются часовщики. И теперь вы просто делите обязанности. Феликс — конструктор, вы — дизайнер.

— Да, это факт, я выучил язык инженеров. Думаю, у них есть общие черты — нацеленность на решение проблемы, уверенность в том, что знания помогут в любом вопросе.

— Ну хорошо. А пошли ли часовщики вам навстречу — художественные вкусы у вас с Феликсом похожи? Вам нравится одна и та же музыка, одно и то же кино?

— Да, совершенно. Феликс — большой любитель джаза. Он играет на трубе. То есть не знаю, играет ли он сейчас, но играл. А когда я с ним познакомился, он был еще и диджеем. Но сейчас, когда он слушает музыку, это почти всегда джаз. Я разделяю эту любовь. И тоже из-за отца. Он в свое время играл в джаз-банде. На тромбоне. И часто брал нас с собой на фестиваль под Цюрихом и на свои репетиции.

— Будучи швейцарцем, вы чувствуете какую-то особую связь с часами?

— Если ты швейцарский подросток, родители которого ходят в церковь, даже если не очень религиозны, то к церемонии конфирмации ты получаешь свои первые часы.

— Что это были за часы?

— Одни были электронными, знаете, с таким дисплеем на жидких кристаллах. Очень модные в то время. Настоящий кусочек научной фантастики на Земле! У них были кнопки, чтобы менять время, дату, устанавливать будильник. И все это отражалось на дисплее. А другие часы мне подарил дедущка. Omega Speedmaster. Красивейшие, классические часы. Еще я помню, как вырезал из каталога картинки с Rolex.

— Какова была реакция на первые часы Urwerk? Не со стороны часовщиков, а со стороны дизайнеров вашего круга?

— Это было в 1997 году на Baselworld. Мы представили три модели. И вообще попали на эту выставку потому, что Феликс и Томас были членами АНСИ — Академии независимых часовщиков. Реакция? Удивление. Дело в том, что система считывания времени у наших часов была даже более загадочной, чем сейчас. Кто-то говорил, что ему нравится, кому-то они не нравились совершенно. Часы были темой споров. Но зато первые наши часы купила подруга матери Феликса, очень состоятельная женщина, которая могла выложить за них 10 тыс. франков. Потом у нас было несколько непростых лет, когда нам приходилось заниматься параллельно чем-то еще. Я, например, зарабатывал иллюстрациями. А потом случился 2005 год, важнейший для нас год. Тогда когда Harry Winston пригласила Феликса сделать Opus V. И вы понимаете, как это было круто. Конечно, сияние Harry Winston немного осветило и нас.

— Вашей компании Urwerk больше 20 лет. Вы взрослые. Как вы думаете, что вы дали людям?

— Я надеюсь, что в этот список войдут любознательность и вдохновение. Все, что вокруг нас, все это мы пытаемся вложить в наши модели. А еще вот что. Я бы назвал это возможностью показать, как создаются часы и как эти часы рассказывают нам о нас и о других. О людях, создающих механизмы.

Беседовали Алексей Тарханов и Николай Zubov

В ЛАБИРИНТАХ BELLA VITA

BVLGARI B.ZERO1 LABYRINTH

ЭРИКА ДЕ ЛАНЧА

— Новые серьги-обручи **Bvlgari** для нового поколения

— **Bvlgari B.Zero1 Labirynth** из белого и розового золота

— Версии с бриллиантовым паве кольца **B.Zero1 Design Legend**, созданного **Bvlgari** в сотрудничестве с Захой Хадид

Вывравшееся сейчас вперед поколение сравнимо разве что с тем, что обратило на себя внимание полвека назад, в 1968 году. В лабиринтах этого цивилизационного потрясения еще предстоит разобраться, а пока эти два поколения бунтарей объединила коллекция B.Zero1. Сила мирового бестселлера Bvlgari прежде всего в непреходящей современности. Кажется, что B.Zero1 существовала всегда, но ей нет и двадцати.

Кольца B.Zero1 появились на пороге нового тысячелетия. Но и обращались они к тысячелетиям, взяв образ у римского Колизея. Для создания этих колец привлекали выдающихся художников, использовали необычные материалы. Тут и мраморная отделка на римский манер, и инновационная керамика, и изогнутые зеркала, которые использовал скульптор Аниш Капур.

B.Zero1 в очередной раз преобразились после встречи со знаменитым архитектором Захой Хадид. Работа над кольцом B.Zero1 Design Legend оказалась одним из ее последних проектов. Она успела запечатлеть свое послание поколению, трансформировав древнеримскую монументальность B.Zero1 и придав силуэту ту выразительную текучесть, которой владела в дизайне только она. Однако на вид ставшее легким и подвижным B.Zero1 при этом осталось собой. В его основе та же трехмерная форма с широкой центральной лентой и обрамляющими по бокам плоскими ободками с двойным логотипом.

Сегодня у созданного в сотрудничестве с Захой Хадид кольца Zero1 Design Legend появились новые драгоценные версии из белого и розового золота с бриллиантовым паве. В новом кольце B.Zero1 Labirynth белое золото тоже сочетается с розовым. Идею воплотили в четырех вариантах — в биколорном кольце из белого и розового золота, в кольце, дополненном сверкающим бриллиантовым паве, и в двух кулонах.

Первой примерила «лабиринты» героиня нового времени супермодель Белла Хадид. Едва достигнув 20 лет, она покорила главное коммуникационное пространство поколения, позволив наблюдать за своей жизнью 17 млн поклонников в Instagram. Новая посланница B.Zero1 не только носит имя, означающее на итальянском «красавица», она, так совпало, обладательница той же фамилии, что и гениальная Заха.

Дизайн B.Zero1 всегда требовал от своих героев ярко выраженной индивидуальности, смелости оставаться собой. Раскованные современные восточные женщины в ладу с новым миропорядком, они знамениты умением им управлять. Ниспровергательница устоев Заха Хадид освободила геометрию архитектуры и, введя в моду форму, полную изгибов и окружностей, провозгласила силу женщины. Появившаяся на полвека позднее «королева кривых линий» «королева Instagram» покорила мир, став лицом новой эпохи. Нестандартная красота, любовь к смешению стилей и культур и при этом отчаянная смелость, отвергающая конформизм, — так описывают и Заху Хадид, и Беллу Хадид. Их смелость сродни стилю ювелирного дома Bvlgari.

Перевела с английского Галина Кузина

У HERMES КРУГОМ КВАДРАТЫ НОВЫЙ CARRE H МАРКА БЕРТЬЕ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Архитектор
и дизайнер
Марк Бертье

— Новые Carre H
существует в двух
вариантах

Не надо мне рассказывать, что значит «карре» для Hermès — эти квадратные платки, нарисованные замечательными художниками, носят все самые мои любимые люди. Но вот про Carre H, то есть тоже про квадрат, но часовой, я, к стыду своему, узнал впервые.

Дело было в мастерской Марка Бертье на парижском бульваре Сен-Мишель. Марк Бертье — легенда французского дизайна, ему за 80, то есть он вполне мог качать на коленках Филиппа Старка. У него два Comras d'Or (дважды Герой Соцтруда, но круче), его радио «Тихо» (а как иначе транскрибировать Tychko?) — в собрании Нью-Йоркского музея современного искусства МоМА. Это параллелепипед, обтянутый мягким полимером. Радио, которое можно брать с собой в душ. Но это, конечно, из эпохи, когда слушали радио. Марк Бертье сделал и точно такой же будильник. Мягкий, небьющийся, потому что, как он сам говорит, каждому хочется утром забросить будильник в самый дальний угол.

Это с ним легендарный глава Hermès Жан-Луи Дюма договорился однажды о том, что тот возьмется за часы для Hermès. Вы ведь помните об этом?

«Конечно», — отвечает Марк Бертье. — Он сказал мне так: «У меня для вас сложнейшее задание: спроектировать мужские часы». «Что же тут сложно-го? — спросил я его в ответ. — Никаких проблем, я дизайнер, что за вопрос?» «Как «что за вопрос»? Как это «нет проблем»? — продолжил Жан-Луи Дюма. — Скажите мне тогда, что такое мужские часы Hermès? Не знаете? Идите же и подумайте, дорогой Марк». Я вышел с ощущением, что мне предстоит спасти мир».

Рассказ Марка Бертье продолжает креативный директор часового направления Hermès Филипп Делоталь: «В первый раз мы вернулись к этому проекту в 2010 году, выпустив часы в титановом корпусе. Мы искали им имя, и появилось «карре», Carre H». Первые Carre H были встречены с огромным интересом, чему способствовало и имя автора, и крошечный тираж (всего 173 штуки), и цена, которая многих потрясла, — €15 тыс. за простые часы с маленькой секундной стрелкой и механизмом Girard-Perregaux / Sowind 3200. Но именно столько должны стоить настоящие часы архитектора, такая цена настоящего дизайнерского жеста.

И вот восемь лет спустя мастерская Марка Бертье выпустила новый вариант часов, исчезнувших было с горизонта. Они похожи и одновременно не похожи на первые.

Если в первых метки и циферблат были расположены по перпендикулярным осям, в новых часах циферблат сделан круглым, что способно примирить яростных защитников круглых циферблатов с упорными сторонника-

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Hermès Carre H

— Разница между
новыми и старыми
Carre H познается
в сравнении

ми квадратных. «Когда мы вновь начали работать над этими часами, мы сразу попросили Марка Бертье вписать круг в квадрат, — говорит Делоталь. — Затем мы чуть увеличили размер корпуса, всего на миллиметр, что не так заметно для тех, кто не может сравнить одни часы с другими».

Но мы-то можем! Я взвешиваю на руке первые титановые и новые металлические и понимаю, что обе модели мне нравятся. Первые проще по рисунку, выдержаны в единой гамме, но их строгость немного старомодна. Новые гораздо энергичнее, с цветными акцентами, с гильоше циферблата. Интересна система цифр, которая придумана Бертье так, чтобы избежать сложностей с написанием: все они обозначены двумя знаками — после 12 следуют 01, 02, 03 и так далее. Что ж, прав был Жан-Луи Дюма, отдав когда-то наручные часы Hermès в руки Марка Бертье.

СВЕРХЗВУКОВОЙ ХРОНОГРАФ PILOT TIPO CP-2 FLYBACK УРС ДЮМАРЕ

Zenith Pilot Tipo
CP-2 Flyback
в стальном корпусе

Zenith Pilot Tipo
CP-2 Flyback
в бронзовом корпусе

В дни женевского салона марка Zenith показала новый хронограф Pilot Tipo CP-2 Flyback — возрождение прославленной модели пилотских часов 1960-х. У этой компании со 153-летней историей такая же кровная связь с авиацией, как у Panerai с морем. Именно с часами Zenith перелетел Ла-Манш 25 июля 1909 года француз Луи Блерио. А после Первой мировой войны, когда авиация стала могучей силой, марка из швейцарского Ле-Локля стала поставлять часы пилотам многих стран. В книгах заказов есть британцы, американцы, итальянцы, поляки, немцы.

Продолжилась работа с пилотскими часами и после Второй мировой, благо Zenith имел собственные пользовавшиеся известностью механизмы. Именно к этой эпохе относились часы Типо CP-2, которые были заказаны для летчиков военно-воздушных сил и военно-морского флота послевоенной Италии. Они назывались тогда хронографами «A. Cairelli» — по имени посредника из Рима, занимавшегося поставками часов для Aeronautica Militare Italiana и Marina Militare.

Часы предназначались пилотам, которые летали на полученных от американцев, союзников по НАТО, самолетах Lockheed F-104 Starfighter. Новейшие легкие истребители, способные в два раза превысить скорость звука, должны были защищать Западную Европу.

Надо представлять, какой была эта машина, чтобы понять — управлять ею должны были очень смелые люди. «Звездный воин» напоминал скорее ракету с крыльями, чем привычный самолет. В жертву скорости было принесено все, в том числе и надежность. Многие историки авиации считают, что этот самолет был так же опасен для собственных пилотов, как и для вражеских. Это вызывало протесты, особенно в Западной Германии, военно-воздушные силы которой заказали 916 F-104 и потеряли в авариях 292 машины и 166 пилотов. «Звездного воина» даже прозвали «летающим гробом».

В эпоху, когда военные летчики осваивали технику нового поколения, аварии не были редкостью. Полеты были опасны, как на войне. К примеру, советские летчики так же мучились с новыми Су-7 и Су-9, о чем была даже сложена прибаутка: «Конструктор Сухой, самолет сырой, а техник мокрый». В то же время итальянцы показали класс во владении сложной и капризной машиной. Они не только научились на ней летать, но и обслуживать и модернизировать ее: большая часть воздушного флота ремонтировалась на итальянских заводах, дольше всего — до 2004 года — машины оставались в строю в Европе. В течение многих лет итальянские пилоты сохраняли и Типо CP-2 в качестве служебных часов. По правилам, уходя со службы, они должны были их сдавать, подобно личному оружию, но многие предпочитали оставить их себе. Эти часы сейчас очень востребованы на аукционах.

Новые часы Pilot Tipo CP-2 Flyback имеют тот же диаметр, что и историческая модель, — 43 мм. Об истории напоминает и искусственно состаренный материал корпуса: в одном варианте из бронзы, в другом — из стали. Однако вместо прежнего калибра 146 DP в новых часах стоит лучший хронографический механизм XX века, зенитовский El Primero.

Сейчас марка располагает его новым вариантом El Primero 21 и принципиально новым механизмом Defy, но первый El Primero остается легендой. А как сказал глава часового департамента LVMH Жан-Клод Бивер, «легенды не должны умирать».

Хронограф выпущен в варианте flyback. Что это значит? Обычный хронограф требует двух нажатий кнопки (разных или одной и той же, если речь идет об однокнопочном хронографе), чтобы измерить отрезок времени. Первое нажатие останавливает секундную стрелку, второе сбрасывает показания на ноль. В хронографе flyback всего одно нажатие останавливает измерение времени и возвращает стрелку на ноль. Это усложнение идеально для пилотов, которые должны были экономить время, необходимое для принятия решения, на своих сверхзвуковых ракетах с крылышками.

Перевел с французского Алексей Тарханов

УЧЕНЫЙ И АСТРОНОМ

PANERAI УГЛУБИЛИСЬ В НАУКУ

ТИМУР БАРАЕВ

__Panerai Lo
Scienziato — Luminor
1950 Tourbillon GMT
Titanio

__Panerai
L'Astronomo Luminor
1950 Tourbillon Moon
Phases Equation
of Time GMT

Три года тому назад Panerai, прославившаяся производством приборов для итальянского ВМФ и часов для бойцов подводного спецназа, вдруг показала знаменитые модели Radiomir 1940 и Luminor 1950 с функцией уравнивания времени на фирменных черных светящихся в темноте циферблатах-сэндвичах. Многие встретили эти часы шутками: «Конечно! Всякому дайверу и водолазу просто необходимо во время погружения знать разницу между земными и астрономическими сутками!» И лишь дальновидные поняли, что Panerai готовится к созданию серии часов с самыми престижными, в том числе и астрономическими, осложнениями в честь своего великого земляка Галилео Галилея.

Первые такие часы Lo Scienziato («Ученый») Luminor 1950 Tourbillon GMT были представлены уже на следующий год. Это был двухосный турбийон-скелетон с индикатором времени во втором часовом поясе, в 47-миллиметровом корпусе из титана, с мощным мануфактурным калибром P.2005/T, с ручным заводом и 6-суточным запасом хода. Одна ось вращала каретку с традиционной скоростью один оборот в минуту, а та ось, что вращает каретку перпендикулярно циферблату, совершала оборот за 30 секунд. Большая часть несущих конструкций калибра была изготовлена из титана, платина представляла собой решетку из тончайших титановых игл, а часовые метки были прикреплены прямо к фланцу, что сделало часы в огромном корпусе необыкновенно легкими.

В январе нынешнего года вышла очередная версия этой модели. Все вроде бы осталось по-прежнему, но новый «Ученый» отчего-то стал значительно легче прежнего. Дело в том, что при его производстве мануфактура Panerai использовала интереснейшую и очень перспективную технологию производства корпусов. Называется это технология Direct Metal Laser Sintering («Прямое спекание металла лазером»), и она очень похожа на 3D-принтер. Расплавленная лазерным лучом титановая пудра слой за слоем (толщина каждого — 0,2 мм) формирует корпус заданной формы. Он получается потрясающе прочным, легким и имеет идеально точные размеры. Именно астрономические открытия прославили Галилея. Так что не зря в Женеве была презентована модель L'Astronomo («Астроном»). Полностью она называется Panerai L'Astronomo Luminor 1950 Tourbillon Moon Phases Equation Of Time GMT. В этом названии перечислены практически все осложнения, которыми оснащены часы: фирменный двухосный турбийон, указатель лунных фаз, уравнение времени, а также индикатор времени во втором часовом поясе. Не упомянуты лишь индикаторы восхода и захода Солнца, запаса хода и 24-часовой указатель «день/ночь» (два последних расположились на циферблате с обратной стороны корпуса).

Благодаря отсутствию циферблата, легко оценить совершенство и сложность мануфактурного калибра с ручным заводом и 96-часовым запасом хода P.2005/GLS. GLS — это Galileo Luna Scheletrato, то есть скелетонизированный лунный календарь Галилея. Лунный календарь и указатель «день/ночь» расположены на одном дополнительном циферблате с обратной стороны 50-миллиметрового корпуса из титана. Благодаря этому вы можете узнать, где находится Луна, даже днем.

На титановом кольце вокруг сапфировой задней крышки выгравирована не только информация о том, что эти часы посвящены Галилео Галилею, но и географические координаты места жительства владельца. Именно по ним настроен сверхточный индикатор фаз Луны (первый в истории Panerai), который потребует корректировки лишь спустя 122 года. Индикаторы рассвета и заката будут постоянно настроены на координаты вашего дома, поэтому, когда вы находитесь в своем часовом поясе, стрелка GMT спрячется под часовой стрелкой. Вот полетите в Европу или Азию, установите часовую и минутную стрелки на местное время, тогда и увидите тонкую центральную стрелку GMT из вороненой стали с треугольным светящимся наконечником.

ДИВА ДИВНАЯ

BVLGARI DIVA FINISSIMA

MINUTE REPEATER

УРС ДЮМАРЕ

— Актриса Светлана Ходченкова в серьгах Bvlgari и с минутным репетиром Divas' Dream на руке

— Bvlgari Divas' Dream Minute Repeater

женщины получают «великие усложнения», которыми до сих пор оснащались в основном мужские часы

Марка Bvlgari известна женщинам куда больше, чем мужчинам, которые когда-то лишь подписывали счета за подарки, которые им выставляли римские ювелиры. Времена пришли другие, и роль женщин изменилась.

Они не только стали сами выбирать себе драгоценности и самостоятельно за них платить, потому что больше не зависят от мужчин. Они меняют свое отношение к ювелирным часам. В моде сейчас не только ювелирное, но и часовое искусство. Если раньше главным критерием выбора становились камни и украшения, то теперь женщины уделяют не меньшее внимание механике.

Времена изменились, но не изменилось ответное отношение Bvlgari. Здесь, как всегда, готовы пойти навстречу своим клиенткам. Однако дизайнеры римской марки полагают, что самого наличия турбийона или календаря недостаточно, чтобы привлечь женскую аудиторию. Усложнение должно быть переосмыслено, оно должно отличаться от усложнения, использованного в мужских часах.

В то же время в Bvlgari уверены, что женщины имеют право на лучшее из того, что придумали инженеры марки. Женщины стали активными потребителями часовых усложнений — и не только «полезных» или «малых» вроде второго часового пояса или давно применявшихся в женских часах фаз Луны, но и «великих усложнений», которыми до сих пор оснащались в основном мужские часы.

В последние годы марка Bvlgari активно работает над созданием рекордно тонких часов. На прошлом часовом конкурсе Grand Prix d'Horlogerie de Geneve в 2017-м были награждены сразу две модели сверхтонких Finissimo — Octo Finissimo Tourbillon и Octo Finissimo Automatic. А годом раньше на часовой ярмарке Baselworld был представлен самый тонкий в мире репетир Octo Finissimo Minute Repeater.

Эти часы, выпущенные в количестве 50 экземпляров, имели подчеркнuto «мужской» корпус — 40-миллиметровый, высотой 6,85 мм, из титана. Теперь на основе того же механизма в ювелирной линии Diva выпущен первый в мире Bvlgari тончайший женский репетир Diva Finissima Minute Repeater, и трудно себе представить более «женские» часы.

Прежде всего уменьшен их диаметр. Он составляет всего 37 мм, что гораздо больше подходит для тонкого запястья. У часов круглый корпус из розового

золота особого сплава — для улучшения звука гонгов в золоте повышено содержание меди. На корпусе и на креплениях для ремешка с помощью «снежной заправки» установлены бриллианты общим весом около 4,26 карата.

Однако главная драгоценность новой Diva — не золото и не бриллианты, а тончайший мануфактурный механизм BVL 362 Finissimo с его высотой 3,12 мм и запасом хода в 52 часа. Этот механизм и работу молоточков можно увидеть через прозрачное окно на задней крышке корпуса.

Рычаг спуска репетира, как обычно, расположен на корпусе слева, но если в мужской модели он ничем не подчеркнут, то в женской имеет миниатюрную подвеску с бриллиантами. Эта маленькая подвеска, которая в линии Diva была у всех браслетов и сотуаров, колец и серег, здесь отмечает место ползунка для запуска репетира. По желанию владелицы репетир отбивает часы, четверти и минуты.

Diva Finissima Minute Repeater — не просто «вещь в себе», музыкальная шкатулка или телефон с рингтоном. Мастера Bvlgari заставляют заботиться об этих часах: механизм имеет лишь ручной завод. Его нельзя оставлять без внимания. А как же иначе? Дивы всегда требовательны. Но и способны многое простить: часы хорошо защищены от ударов и вибраций и даже имеют 30-метровый предел водонепроницаемости. А значит, не побоятся девичьей забывчивости — и не погибнут ни под душем, ни в бассейне.

Перевел с французского Алексей Тарханов

КЛУБ ЗНАМЕНИТЫХ КАПИТАНОВ RADO HYPERCHROME CAPTAIN COOK УРС ДЮМАРЕ

__Rado HyperChrome
Captain Cook 37 мм

__Новые-старые часы
Rado названы в честь
великого мореплавателя
капитана Джеймса
Кука (1728–1779)

на миланском стальном браслете определенно женские, о чем говорит белый цвет керамики кольца вокруг серебристого циферблата с 8 бриллиантами. Но другие — с кожаным винтажным ремешком — может носить как женщина, так и мужчина, потому что эти черные Captain Cook имеют редкую для спортивной модели элегантность.

Третьи часы в линии вышли в размере 45 мм (вероятно, уступка моде). Однако механизм и его размер остались теми же, что и в модели 37 мм, поэтому окошко даты смещено здесь в сторону центра циферблата. Часы имеют титановый корпус и голубое кольцо циферблата.

Разумеется, все три модели имеют водонепроницаемость до 100 метров. Для того чтобы ее обеспечить, заводная головка сделана отвинчивающейся, а задняя крышка — непрозрачной. На ней изображены три морских конька и морские звезды, а также нанесена надпись с названием модели и порядковым номером: часы выходят в количестве, соответствующем первому году выпуска, — 1962 штуки.

Тут можно вернуться к отличительным чертам Rado. Мы говорили о дизайне, и на самом деле перед нами — дизайнерский шедевр 1960-х, новые часы напоминают об этом. Простые метки, удачные пропорции, красиво прорисованные стрелки. Поэтому новые часы HyperChrome Captain Cook — типичнейшие члены семьи Rado.

Перевод с французского Алексея Тарханова

Когда мы говорим о марке Rado, мы чаще всего имеем в виду высокотехнологичные, даже футуристические часы. Материал — керамика, композиты. Механизм — как правило, точный швейцарский кварцевый калибр, который выпускает для Rado родственная марка ETA, также входящая в Swatch Group. Rado ставит на дизайн, работает и с такими знаменитостями, как британец Джаспер Моррисон или немец Константин Грчич, и с молодыми дарованиями, которые учатся использовать все технические достижения марки, особенно фирменную керамику. С этой точки зрения новая серия HyperChrome Captain Cook необычна. Она имеет металлический корпус и обычный механизм с автоматическим подзаводом. Дело в том, что Rado вернулась к своему хиту 1962 года, классическим часам для ныряльщиков со светящимися цифровыми метками и крупными стрелками, которые выпускались тогда с механизмом фирмы Shild. И это не первое возвращение марки в 1960-е. Rado уже выпускала свою ретроколлекцию Cape Horn, представив часы HyperChrome 1616.

Конечно, Captain Cook не прямое переиздание. Прежде всего место прежнего «автомата» занял механизм ETA C07.611 с внушительным 80-часовым запасом хода и указателем даты. Корпус существует в трех вариантах — два из стали, третий — из закаленного титана. Плексиглас или обычное стекло заменяет сапфировое с двухсторонним антибликовым покрытием. Ну а стальное вращающееся кольцо циферблата с 15-минутными отметками, которое служит для контроля времени погружения, получило белые, черные или синие керамические вставки. Все это — материалы и технологии, которых часовщики 1960-х не имели.

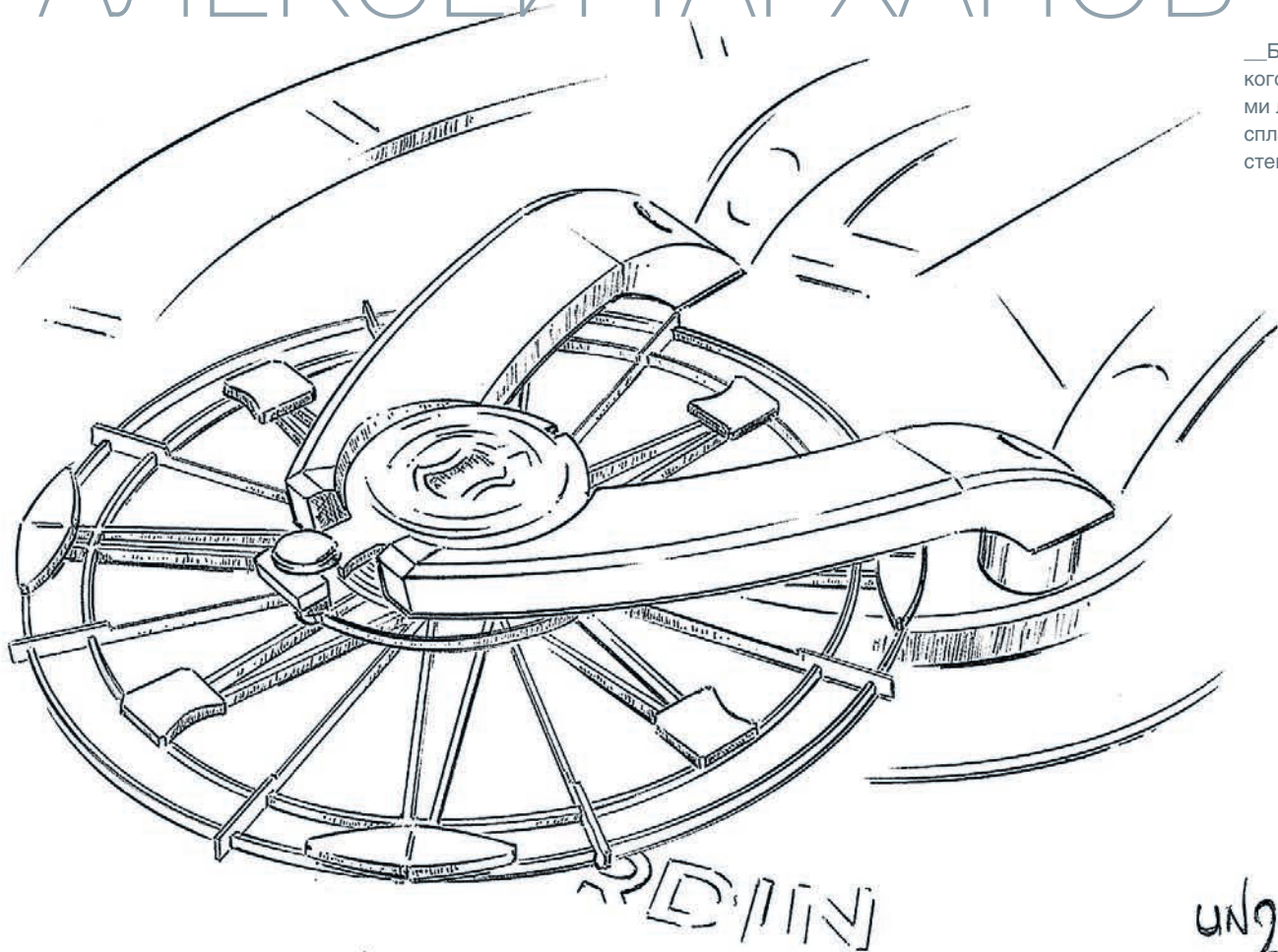
В то же время новые часы во многом верны образу исторической модели. И в 2018 году это выглядит неожиданным. Прежде всего размеры. Сейчас часы, а тем более часы для ныряльщиков, которые по идее могут надеваться на рукав гидрокостюма, имеют большой диаметр. Две первые модели нового HyperChrome Captain Cook ограничились диаметром 37 мм, который сейчас почему-то считается женским, в то время как полвека назад был вполне мужским.

С одной стороны, это шаг навстречу азиатским клиентам, с другой — настоящий вызов бессмысленной моде на сверхразмеры. Да, одни из новых часов

__Rado HyperChrome
Captain Cook 45 мм

ДЭМИЕНОВА УХА ULYSSE NARDIN ВЫИЫРНУЛ С ДЭМИЕНОМ ХЕРСТОМ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

__Балансовое колесо из сверхлегкого кремния со стабилизирующими лопастями, выполненными из сплава никеля,— среди особенностей **Ulysse Nardin FreakVision**

__Ulysse Nardin
FreakVision

UN 207
__Обросшие кораллами скульптуры Херста в залах венецианской Пунта делла Догана

На стенде Ulysse Nardin в Женеве я с удивлением вижу очень знакомые вещи. Скульптуры, обросшие кораллами и моллюсками, словно матросы с «Черной жемчужины».

Не может быть! Неужели Дэмиен Херст, работы из его грандиозной (то ли по размеру, то ли по замыслу, то ли по стоимости) инсталляции «Сокровища «Невероятного»», которую он показывал в дни Венецианской биеннале? Но почему они здесь?

Давайте же посчитаем. Вот Дэмиен Херст, который выставлялся в двух музеях Венеции. Вот два музея в Венеции, в которых выставлялся Дэмиен Херст и которые принадлежат фонду Франсуа Пино. Вот Франсуа Пино, которому принадлежат два музея, в которых выставлялся Херст. А еще аукционный дом Christie's. И, конечно, группа Kering, которая тоже принадлежит Франсуа Пино, который владеет двумя музеями, в которых выставляется Херст. А в группу Kering входит старинная часовая мануфактура Ulysse Nardin в швейцарском Ле-Локле. В доме, который построил Джек.

Теперь все становится понятно. Но только для того, чтобы выстроить прямой маршрут: от венецианского палаццо Грасси и старой таможни Пунта делла Догана до коллекции французского богача, страстного собирателя современного искусства, и наконец до стенда швейцарской часовой марки, с рождения связанной с морем,— надо хорошо понимать законы коммуникации. Это очень современный ход, делающий честь новым руководителям Ulysse Nardin.

«Как вы уговорили Херста? Подарили ли вы ему часы? А как вообще вы придумали его позвать? На эти ли сюрпризы вы намекали во время нашей

недавней встречи?» — засыпаю я вопросами молодого командира марки Патрика Прюньо, ради Швейцарии покинувшего работу в американском Apple. Он только улыбается: «Секрет, секрет, секрет». Ясно, однако, что решение было принято очень быстро. Выставка в Венеции закрылась в декабре, а в январе скульптуры оказались на выставке в Женеве. Их привезли ассистенты Херста, и сотрудники Ulysse Nardin на ушко рассказывают, какие это важные ребята: они устанавливают скульптуру с таким видом, как будто собирают турбийон.

Дэмиен Херст сам гений маркетинга. Для своей выставки художник придумал историю о том, как 2000 лет назад бывший раб, вольноотпущенник, богач и любитель прекрасного по имени Аурус Калидиус Амотан вез свою коллекцию на корабле Apistos, то есть «Невероятный» (сказка ложь, да в ней намек), но из-за кораблекрушения потерял ее в пучине. Много веков спустя команда археологов нашла корабль и подняла сокровища на поверхность. Все это задокументировано, поработали не только скульпторы и кинооператоры, но и водолазы. Херст не скупился. Выставка в Венеции обошлось ему в €60 млн. Следовательно, должна принести гораздо больше. Насчитали — чуть ли не миллиард.

Когда я смотрел венецианскую выставку, мне казалось, что «Невероятный» был ноевым ковчегом искусства, плавучим Лувром. Среди выуженных из воды объектов — экспонаты универсального художественного музея: здесь есть вещи псевдодревнеегипетские, псевдодревнегреческие, псевдодревнеримские и даже псевдо-contemporary, вроде обросшего водорослями и ракушками Микки-Мауса. А размеры! Невероятный гигант «Демон с шаром» пробил бы головой потолок палаццо Грасси, если бы голова не лежала отдельно у его ног. Многорукая богиня Кали, быющая с Лернейской гидрой, занимала целый зал Пунта делла Догана. А точность изображения? Минотавр, совокупающийся с женщиной. Нефритовая голова Медузы-горгоны. Каждая вещь в трех экземплярах как под копирку — в морской чешуе, очищенная от наслоений и как бы сделанная заново. И рядом с этим крошечные объекты в витринах: украшения, монеты, мелкая пластика. Миф разработан подробно и до последней вилки с камбуза.

Дэмиен Херст с его амбициями и заработками — настоящее пугало художественной общественности. На выставке в Венеции меня специально ловили художники, чтобы рассказать, как возмутительно то, на что мы уже час смотрим. Где пластика? Даже ракушки выросли неправильно! Только прибыль у него на уме! Но мы не в Венеции, а в Женеве, и в паре с часовой маркой вещи Херста выглядят по-новому.

Ulysse Nardin существует с 1846 года, была славна в начале прошлого века, в 1970-х хлебнула горя вместе со всей швейцарской часовой промышленностью. Кварцевый кризис ее почти добил. Что с ней случилось? Она, считайте, утонула.

— Скульптуры стали экспонатами на стенде **Ulysse Nardin** в Женеве

— Колоссальный «Демон с шаром» во внутреннем дворе палаццо Грасси

— Миф разработан во всех деталях и масштабах — от гигантов и нефритовой головы Медузы до золотых украшений и монет

Когда инвестор, авантюрист и страстный любитель часового искусства Рольф Шнайдер приехал ее покупать, марка состояла из одного часовщика и большого архива славных дел. Все пришлось начинать заново — Ulysse Nardin, спасенная из вод, вернула себе сложные механизмы, сохранила мастерство эмалиров и даже возглавила большую и не менее авантюрную кампанию по добыче часового кремния, где выступала вместе с такими китами, как Breguet и Patek Philippe. А потом, когда после смерти Шнайдера марку приобрела группа Kering, она стала такой же частью художественной коллекции Пино, как и вещи Херста.

На SIHH в часовых витринах вокруг лежали часовые сокровища невероятно крутой часовой марки. Вроде глубоководной модели Diver Deep Dive, рассчитанной на погружение в тысячу метров. Никто не станет нырять на тысячу метров, хоть бы и с Ulysse Nardin на руке, как никто не станет грузить на хрупкое судно несметные богатства. Но марка выпускает эту модель, рассчитанную на сказочную тысячу метров, — в качестве такого же художественного жеста, который делает Херст. А вот модель FreakVision, прославляющая часы новой эпохи. Ее родоначальник — знаменитая нардановская Freak, придуманная Людвигом Окшлином. Для ее создания марке и пришлось некогда углубляться в кремниевые технологии. Теперь для Ulysse Nardin она становится таким же символом, как для соседей по Женеве Royal Oak, Reverso или Altiplano. Не зря же главным лозунгом женевской экспозиции стал хэштег #freakmeout, который марка вовсю забрасывает в социальные сети. Дэмиен Херст движется от искусства к маркетингу. Ulysse Nardin — от маркетинга к искусству. Женевская ярмарка не зря оказалась местом их встречи.

ЖИВУЧИЙ «ЗВЕРЬ» AUDEMARS PIGUET ROYAL OAK OFFSHORE

Audemars Piguet
Royal Oak Offshore
Selfwinding Chrono-
graph

Audemars Piguet
Royal Oak Offshore
Diver «Funky Colours»

Вспомнив эпизод с гравировкой на задней крышке, марка добавила в новых часах к логотипу Royal Oak Offshore слово Automatic

Культовой коллекции Audemars Piguet Royal Oak Offshore — четверть века.

А потому стоит вспомнить появление первых «офшоров», благодаря которым появился новый сегмент спортивно-экстремальных часов.

Работа началась в 1989 году. Согласно в воспоминаниям «отца» Offshore Эммануэля Гейта, позже занимавшего должность арт-директора Audemars Piguet, а в то время — 22-летнего сотрудника отдела дизайна, задание «придумать молодежный Royal Oak» он получил от тогдашнего президента мануфактуры Стивена Уркхарта, который впоследствии много лет возглавлял марку Omega. Поскольку у Гейта не было другого источника вдохновения, кроме оригинальных Royal Oak, разработанных мэтром дизайна Джеральдом Джентой, его задача заключалась в том, чтобы изменить облик часов, не меняя его. Стальной корпус был увеличен на 3 мм в диаметре (до 42 мм) и почти вдвое — в толщину (с 7,4 мм до 14,5 мм). Сохранились придуманные Джентой знаменитый октагональный ободок, фиксируемый восемью винтами с открытыми головками, и рельефный узор циферблата Petite Tapisserie. Предложенное Уркхартом имя Offshore отсылало к популярным в 1980-х скоростным гонкам на сверхмощных моторных лодках Offshore Racing.

Новинку собирались продемонстрировать в 1992 году по случаю 20-летия коллекции Royal Oak, однако в последний момент премьеру отложили из-за проблем с принципиально новыми для марки деталями — заводной коронкой и кнопками управления хронографом с каучуковыми колпачками, а также уплотнительным кольцом между ободком циферблата и корпусом. В итоге часы было решено показать на Базельской ярмарке 1993 года — тогда Audemars Piguet еще не променяла суетный Baselworld на буржуазный женевский SIHH. Будучи уверенной в успехе не полностью, мануфактура ограничила выпуск всего 100 экземплярами, причем глухую заднюю крышку моделей первой серии украшала стандартная гравировка Royal Oak, без ставшего обязательным чуть позже дополнения Offshore. Стоит ли говорить, что такие экземпляры стали предметом охоты часовых коллекционеров.

Audemars Piguet
Royal Oak Offshore
Tourbillon Chronograph

Audemars Piguet
Royal Oak Offshore
Selfwinding Chronograph «Funky Colours»

чтобы royal oak превратился в offshore, нужно было изменить облик часов, не меняя его

Но сначала Гейт, Уркхарт и вся мануфактура Audemars Piguet пережили взрыв возмущения со стороны часовых пуристов. К хору критиков присоединился и автор оригинального дизайна Royal Oak: Джеральд Джента пожаловал на базельский стенд мануфактуры, чтобы сообщить, что облик его творения безвозвратно утрачен (забавно, что за 21 год до этого в ниспровержении основ часового дизайна обвиняли самого Дженту). Но мнение профессионалов не совпало со вкусами публики. Благодаря крупным габаритам новые часы получили прозвище Beast («Зверь»), что свидетельствовало о признании за ними особого неформального статуса. Выделенные в отдельную коллекцию Royal Oak Offshore принялись завоевывать сердца и кошельки покупателей с той же силой, с какой раньше это делали Royal Oak. Новинки этого года столь же интересны. Оснащенная ручным мануфактурным механизмом с турбийоном и хронографом модель 26421 демонстрирует — среди выпущенных за четверть века более чем 120 референций — самые радикальные перемены, постигшие Royal Oak Offshore. Прежде всего обращает на себя внимание архитектура ободка циферблата: при сохранении восьмиугольной формы и восьми винтов ободок стал более невесомым, ажурным. Это уже не массивное кольцо, «накинутое» на циферблат, а облегченная, скелетонизированная рамка. Второе важное изменение можно найти на циферблате. Теперь он воспринимается объемным, трехмерным благодаря оставленным видимыми V-образным мостам, поддерживающим компоненты механизма: заводной барабан, турбийон, 30-минутный счетчик хронографа у отметки «3 часа». Также следует упомянуть заводную коронку и кнопки управления хронографом, которые выполнены не из привычного по предыдущим моделям каучука или титана, а из черной керамики (впервые такое решение было опробовано в 2014 году). Наконец, диаметр корпуса увеличился в сравнении с прежними моделями с аналогичным функционалом на 1 мм и достиг 45 мм: новые Royal Oak Offshore Tourbillon Chronograph стали самыми крупными часами текущей коллекции. Выпуск модели 26421 в корпусе из розового золота или стали ограничен 50 экземплярами в каждом из материалов.

Для поклонников аутентичности переиздана модель 25-летней давности, в мелочах сохраняющая верность оригиналу: корпус диаметром 42 мм из стали, заводная головка и литые кнопки из синего каучука, синий циферблат с узором Petite Tapisserie, стальной шлифованный браслет с раскладной застежкой. Видимо, решив обыграть памятный по дебютной серии эпизод с гравировкой на задней крышке, марка добавила к размещенному по центру логотипу Royal Oak Offshore слово Automatic, чего не было в предыдущих версиях. «Оживляет» часы автоматический мануфактурный калибр 3126/3840 (собственная «база» плюс модуль хронографа Dubois-Depraz), который сменил применявшийся 2126/2840 (базовый калибр Jaeger-LeCoultre с модулем Dubois-Depraz).

Еще в 1997 году Audemars Piguet, откликнувшись на возникшую тогда моду, выпустила целую россыпь Royal Oak Offshore с яркими цветными циферблатами и ремешками. Неудивительно, что место для красок нашлось и в юбилейной коллекции этого года. Конечно, новинки выполнены на новом технологическом уровне: например, в 44-миллиметровой модели 26400 из нержавеющей стали впервые использована керамика цвета хаки для ободка циферблата, заводной головки и кнопок хронографа, а каучуковый ремешок получил камуфляжную окраску. Отлично выглядят 42-миллиметровые хронографы с циферблатом и керамическими деталями цвета индиго (корпус из стали) и серыми керамическими деталями и циферблатом (корпус из титана). Наконец, модели Royal Oak Offshore Diver (защищенные от воды на глубине до 300 м) диаметром 42 мм, дебютировавшие два года назад в смелой фанк-палитре, получили не только новые расцветки («тропический бирюзовый», «деловой бежевый», «волевой хаки» и «сумеречный лиловый»), но и первую версию в корпусе из розового золота с ободком из титана и коронками из серой керамики. В общем, ничто не мешает «Зверю», когда-то напугавшему современников, дожить и до почтенного полувекового юбилея.

Юрий Хнычкин, Robb Report Russia

СУПЕРКАР НА ЗАПЯСТЬЕ PARMIGIANI FLEURIER ВЕРНЫ БУГАТТИ МАРИЯ МАЗАЛОВА

__Parmigiani Fleurier Bugatti Type 390 — сзади видна ажурная основа стрелок, механизм расположен в цилиндре над циферблатом

__Создатели Type 390 говорят, что линейный механизм часов напоминает линейную сборку автомобиля Bugatti Chiron на заводе

__Parmigiani Fleurier Bugatti Type 390

__Обводы корпуса часов похожи на аэродинамические формы Bugatti Chiron

Премьера новых часов Parmigiani Fleurier Bugatti Type 390, посвященных новому суперкару Bugatti Chiron, состоялась в Париже, в старинном здании Автомобильного клуба, том самом, в котором проходили главные автомобильные события прошлого и нынешнего века. Достаточно сказать, что здесь придумывали знаки и разрабатывали первые правила уличного движения.

Перед входом в клуб — дверь в дверь со знаменитым отелем Crillon на площади Согласия — стояли две машины. Одна из первых гоночных Bugatti, побеждавшая на трассах Монако, Ле-Мана, Бреши, другая — современная Bugatti Chiron, впервые представленная на Женевском автомобильном салоне 2016 года. Это сверхмашина с двигателем мощностью 1,5 тыс. лошадиных сил, способная развивать скорость 420 километров в час. Она могла бы и больше. Но скорость искусственно ограничена, чтобы не превращать автомобиль в самолет. Эта машина стоит €2,4 млн.

В Автомобильном клубе царила часовая марка Parmigiani, в прошлом году пережившая триумф. Сразу две ее модели — Tonda Chrono и Toric Hemispheres Retrograde — получили премии на конкурсе Grand Prix d'Horlogerie de Geneve. Впрочем, в Parmigiani считают, что только так и должно быть. Там

уверены, что новым моделям 2018 года, главной из которых станет как раз Bugatti Type 390, тоже суждено признание.

В то время как другие известные автомобильные марки, то и дело меняют своих часовщиков, Parmigiani остаются верны Bugatti. Они вместе с 2004 года. И Parmigiani Fleurier Bugatti Type 390 — не первое посвящение швейцарских часовщиков Parmigiani Fleurier шедеврам французских производителей сверхдорогих автомобилей Bugatti. Bugatti Type 370 рассказывал о машине 16.4 Veyron, Bugatti Super Sport — о Super Sport, теперь в почете Bugatti Chiron.

Легко сравнить аэродинамические обводы машины с асимметричной формой корпуса часов. Однако точно так же, как и в машине, эта форма рождается не только из эстетики, но и из функции. В машине есть мотор и кузов, в часах — механизм отсчета времени, тот же мотор и система индикации, подключенная к мотору, как колеса к карданному валу. В этом особенность новых часов.

«Для Type 390 я придумал особую систему механизма, похожего на автомобильный мотор, который можно носить на запястье», — говорит о своих новых часах Мишель Пармиджани. Механизм PF390 с летящим турбийоном и 80-часовым запасом хода представляет собой цилиндр. Он передает движение по прямой линии от заводной головки на одном конце к турбийону на другом через систему спуска и два подключенных друг к другу пружинных барабана. Поскольку Bugatti Chiron была названа в честь знаменитого гонщика из Монако Луи Широна (1899–1979), на одном из барабанов его подпись, а на другом — его прозвище Le Vieux Renard, Старый Лис.

С оси с помощью впервые примененного в часах Parmigiani архимедова винта вращение передается на стрелки. Благодаря тому, что механизм расположен не как в обычных часах под стрелками, а сбоку, циферблат практически прозрачен, цифры выглядят ажурным рельефом, окружающим золотые секундную и минутную стрелки.

Bugatti рассчитывает выпустить 500 автомобилей Chiron, а вот часы достанутся не каждому их владельцу. Запланировано всего 20 экземпляров, половина в белом и половина в розовом золоте. Цену установили около €250 тыс., считая, что человек, способный купить Bugatti Chiron, не пожалеет десятой части ее стоимости на то, чтобы всегда носить свою машину с собой.

БРИЛЛИАНТ НА СЧАСТЬЕ 25-ЛЕТИЕ HAPPY SPORT CHOPARD ЕКАТЕРИНА ЗИБОРОВА

В честь юбилея легендарной модели часов марка Chopard выпустила версию, оснащенную специально созданным калибром с автоматическим под-
заходом. Теперь Happy Sport могут похвастаться не только «плавающими»
бриллиантами, но и мануфактурным механизмом. И этот шаг сравним
с тем, что был сделан при создании часов 25 лет назад.

Однажды во время прогулки по лесу дизайнер Chopard Рональд Куровски
заметил, как сияют на солнце брызги водопада. Так родилась идея о брилли-
антах, которые могли бы двигаться сами по себе. «Бриллианты счастливые,
когда они свободны», — сказала Карин Шойфеле, жена тогдашнего владельца
компании Карла Шойфеле и мать сегодняшних сопредседателей Каролины
и Карла-Фридриха Шойфеле. Так за идеей последовал проект, который вскоре
был воплощен в часах Happy Diamonds, получивших в 1976 году престиж-
ную немецкую ювелирную премию Golden Rose. Те часы предназначались
мужчинам, имели куполообразное стекло и задействовали новаторскую
технология, благодаря которой внутри циферблата бриллианты «плавали».
Каждый камень было решено поместить внутрь небольшого золотого
цилиндра. Это было сделано для того, чтобы бриллианты не царапали ни
друг друга, ни стекло часов.

—Новые Happy Sport
выходят в разных
цветах и в «этичном»
золоте Fairmined

—Happy Sport полу-
чили мануфактурный
механизм Chopard

В 1993 году Каролина Шойфеле решила создать часы со счастливыми и сво-
бодными бриллиантами в стальном корпусе, а не в золотом, как было при-
нято до того. Новинку назвали Happy Sport. Именно она объединила сталь
и драгоценные камни. Так бриллианты получили пропуск в повседневную
жизнь. За первопроходцами Happy Sport круглой формы на стальном брас-
лете последовало множество интерпретаций. Квадратные, овальные,
с рубинами, изумрудами, на каучуковом ремешке. Появились часы Happy
Fish с «плавающими» рыбками вместо цилиндров и Happy Snowflakes со
снежинками.

История успеха Happy Diamonds рассказывает о том, как семейные ценно-
сти и свобода мысли, идущие рука об руку с прогрессивными технологи-
ями, способны получить мировое признание. История Happy Sport, в свою
очередь, рассказывает о новых возможностях и горизонтах прогрессивных
технологий. В 1976 году все 60 сотрудников Chopard работали в одном зда-
нии в женевском пригороде Мейране. Сегодня у марки десять зданий,
и у нее около 800 сотрудников 30 различных профессий. В их числе специ-
алисты по отливке золота, формовке и полировке деталей, сборке готовых
изделий, инкрустации драгоценными камнями, гравировке.

Первый собственный мануфактурный калибр Chopard представила в 2006
году, спустя десять лет после открытия Chopard Manufacture в швейцарском
Флерье. Производить собственные сложные часы — идея Карла-Фридриха
Шойфеле. На сегодняшний день у компании 10 базовых механизмов и 60 их
вариаций, многие из которых отмечены сертификатами COSC и знаком
качества Poinçon de Genève.

В 2013 году Каролина Шойфеле начала новую главу в истории Chopard, поло-
жив начало производству украшений, а затем и часов из золота Fairmined,
добытого с соблюдением всех этических норм. Именно из него сегодня соз-
дается значительная часть всех вещей Chopard. Причем золото, добытое
частными семейными компаниями, никогда не смешивают с тем, что заку-
пается у крупных корпораций.

Золото, добытое с соблюдением всех этических норм, использовали и для
производства корпусов новых Happy Sport, которые получили приставку
Manufacture: в них установлен калибр 09.01-C, специально для них разрабо-
танный. Юбилейная модель Happy Sport Manufacture с корпусом диаметром
30 мм выпущена в стали с бриллиантами, в стали и розовом золоте, в розо-
вом золоте и в розовом золоте с бриллиантами.

СЧАСТЛИВЫЕ ЧАСЫ ОТЕЛЯ RITZ ARTCURIAL ПРОДАЕТ УТРАЧЕННОЕ ВРЕМЯ

Венсан Дарре. Сценография для выставки «Однажды в Ritz» в здании парижского Artcurial

Один из моих друзей-часовщиков на SIHH в Женеве сетовал, что парижский Ritz, закрывшийся на реконструкцию в 2012-м и открывшийся в 2016-м, похоронил свои сокровища. Были распроданы и Crillon, и Plaza Athenee, а вот легендарный отель с Вандомской площади исчез как будто бы без следа. Нет, там теперь все как было и даже лучше, в соответствии с девизом отеля: «Чтобы все осталось прежним, надо все изменить». Но где же старые вещи? Мой собеседник мечтал сделать часы с элементами знаменитого декора. Ведь были уже часы с подлинной лунной пылью или часы из корпуса «Титаника». Ritz и был парижским «Титаником». Цезарь Ритц построил самый красивый и самый современный отель из всех существовавших на земле. Версальский декор и мебель в стиле Людовика XVI сочеталась с передовой техникой: в каждом номере телефонный аппарат (что намного круче любого нынешнего вайфая), а у каждой кровати — коробочка с электрическими кнопками для вызова слуг. И вот парижский аукционный дом Artcurial наконец-то объявил о том, что множество вещей, не нашедших себе места после реконструкции, будет продано. В течение пяти дней с 17 по 21 апреля с молотка уйдет 10 тыс. предметов, сведенных в 3,5 тыс. лотов. Среди них — светильники, специальные козетки для любимых собак, те самые пульта с кнопками и традиционные стойки-кассы для ключей. Невиданные до того в отельном мире собственные ванны комнаты с душем — тяжелые, чугунные, похожие на первые броненосцы. Обтянутое кожей бюро, за кото-

Одри Хепберн и Гари Купер снимаются в номере Ritz в фильме «Любовь после полудня» (1957)

В саду Ritz проходили самые шумные праздники парижских «Безумных лет»

рым принимали посетителей консьержи Ritz, обладавшие в Париже такими возможностями, что любому министру впору обзавидоваться. Даже ажурная решетка сада, в котором проходили знаменитые праздники Ritz. Здесь умели веселиться так, что их вспоминают и век спустя. Кровати, принимавшие сотни знаменитейших любовных пар, и барные стулья, в которых покоились зады великих писателей — от Пруста до Фицджеральда с Хемингуэем. Перед торгами на все это можно будет посмотреть. С 12 по 16 апреля Artcurial устраивает в своем особняке на перекрестке Елисейских Полей выставку «Однажды в Ritz». Впрочем, «Il était une fois» вполне можно перевести и как «В некотором царстве», потому что царство Ritz складывалось и перекладывалось не раз за 120 лет существования. Дизайнер Венсан Дарре, который готовит выставку, обещает, что на трех этажах будут воспроизведены самые знаменитые интерьеры самого знаменитого из парижских отелей. Разглядывая архивные кадры (они тоже пойдут на продажу) можно будет вспомнить легенды и мифы старого Ritz. Вроде подарка из Америки, который получил от своей Уоллис Симпсон герцог Виндзорский, король-дезертир. В номер внесли коробку — в ней оказалась его возлюбленная, тайно приехавшая в Париж. Вам расскажут про Марселя Пруста, который подкреплялся в ресторане Ritz после поисков утраченного времени, а перед смертью послал шофера за своим любимым пивом. В баре Hemingway подавали Bloody Mary, коктейль, якобы изобретенный для Хемингуэя, чтобы его жена не учуяла запах спиртного (первенство оспаривает Harry's Bar, но где же не пил Хемингуэй?). Вы узнаете про Шанель, которая с 1934 по 1971 год держала в Ritz свою штаб-квартиру, и о многих других замечательных персонажах ушедшего века, которых видел, а когда надо было, в упор не видел старый отель. В сочетании славной истории, старомодной роскоши, бескомпромиссной цены и маленьких смешных потерь и недостатков и состоял его шарм. Посмотрим, во что превратятся вещи, которые унесут с распродажи — в каких часах и интерьерах они встретятся. Думаю, к следующему Базелю мы об этом уже узнаем.

Алексей Тарханов

Стулья из бара Ritz, знавшие Хемингуэя с лучшей стороны

DAY-DATE 40

Мировой символ точности и успеха, получивший новую интерпретацию:
усовершенствованный дизайн и механический калибр нового поколения.

Эти часы не просто показывают время. Они рассказывают историю.

OYSTER PERPETUAL DAY-DATE 40
IN 18 CT WHITE GOLD

Бутики Rolex

Москва: г-ца «Метрополь», Театральный проезд, 2
ЦУМ; г-ца «Рэдиссон Славянская»; С.-Петербург: ДЛТ

Москва: Третьяковский проезд, 7; Кутузовский пр-т, 31
Барвиха Luxury Village; Сочи: «Родина Гранд Отель и Спа»

тел. 8 800 700 0 800

ЭКСКЛЮЗИВНО В *Mercury*

www.mercury.ru

DAY-DATE 40

Мировой символ точности и успеха, получивший новую интерпретацию:
усовершенствованный дизайн и механический калибр нового поколения.
Эти часы не просто показывают время. Они рассказывают историю.

OYSTER PERPETUAL DAY-DATE 40

Бутики Rolex

Москва: г-ца «Метрополь», Театральный проезд, 2
ЦУМ; г-ца «Рэдиссон Славянская»; С.-Петербург: ДЛТ

Москва: Третьяковский проезд, 7; Кутузовский пр-т, 31
Барвиха Luxury Village; Сочи: «Родина Гранд Отель и Спа»

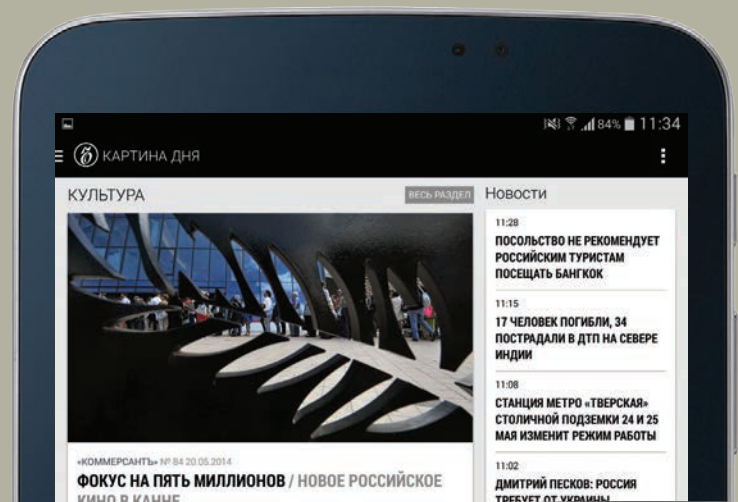
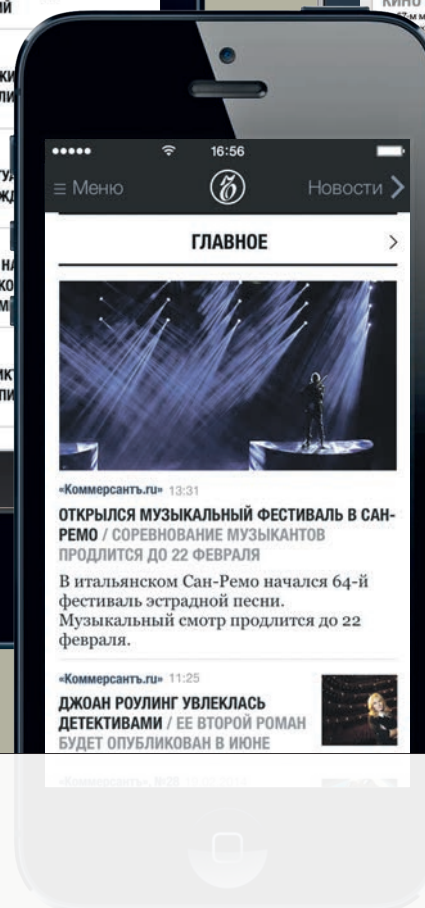
тел. 8 800 700 0 800

ЭКСКЛЮЗИВНО В *Mercury*

www.mercury.ru

Коммерсантъ

В кармане

16+

реклама

Получайте ещё больше новостей в режиме реального времени

Читайте все материалы газеты «Коммерсантъ», журналов «Огонёк», «Автопилот» и Weekend

Слушайте прямой эфир радиостанции «Коммерсантъ FM»

Используйте настройку на свой регион, сервис интеграции с социальными сетями

Оформляйте подписку на журнал «Огонёк»

TO BREAK THE RULES,
YOU MUST FIRST MASTER
THEM.*

ДОЛИНА ЖУ. НА ПРОТЯЖЕНИИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ – ЦАРСТВО СУРОВОЙ, НЕПОКОРЕННОЙ ПРИРОДЫ; В 1875 ГОДУ ЗДЕСЬ, В ДЕРЕВНЕ ЛЕ БРАССЮ, ОБОСНОВАЛАСЬ МАНУФАКТУРА AUDEMARS PIGUET. ЗДЕСЬ ОТТАЧИВАЛОСЬ МАСТЕРСТВО ПЕРВЫХ ЧАСОВЩИКОВ – В ПРЕКЛОНЕНИИ ПЕРЕД СИЛАМИ ПРИРОДЫ И ПОСТИЖЕНИИ ЕЕ ТАЙН ПРИ РАБОТЕ НАД СЛОЖНЫМИ МЕХАНИЗМАМИ. ПО СЕЙ ДЕНЬ, ДВИЖИМЫЕ НОВАТОРСКИМ ДУХОМ, МЫ НЕПРЕРЕСТАННО ИДЕМ НАПЕРЕКОР СЛОЖИВШИМСЯ В ВЫСОКОМ ЧАСОВОМ ИСКУССТВЕ КАНОНАМ.

ROYAL OAK
OFFSHORE
ХРОНОГРАФ
НЕРЖАВЕЮЩАЯ СТАЛЬ

AUDEMARS PIGUET
Le Brassus

AUDEMARS PIGUET БУТИК:
МОСКВА: ГУМ, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ